

ПРОКЛЯТИЕ НА УДАЧУ

ВАЛЕНТИНА САВЕНКО

Валентина Савенко
Проклятие на удачу
Серия «Магия на удачу», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48475790
Проклятие на удачу: Роман: Альфа-книга; Москва; 2019
ISBN 978-5-9922-2973-8*

Аннотация

Что общего между везением и проклятием? Ничего. Вот и Летта так считала. Пока однажды не получила чужое проклятие и не оживила его. А все дар, о котором она не подозревала. Сомнительный дар дарить везение и притягивать чужое невезение. И, похоже, не только его, но и приключения на свою... голову. Живое проклятие с принципами, охотник за темными магами, забывший, что такое чувства. И принц в нагрузку. А на хвосте тот, кого опасаются даже короли. Знай Летта, чем закончится ее встреча с подругой, сидела бы дома. А теперь остается только верить, что дружба и любовь куда сильнее древних чар, чужих обещаний и чудовищ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Валентина Савенко

Проклятие на удачу

Глава 1

Если подруга считает вас живым талисманом, лучше сразу соглашайтесь. Иначе одним летним вечером она может решить нанести вам визит в компании портняжных ножниц, размеру которых позавидовали бы садовники. И, чтобы не остаться без шевелюры, придется под смех сестер тащиться на другой конец города, где в честь назначения нового главы Гвара проходит костюмированный вечер для всех желающих.

И вот я здесь. Стою, невесело разглядывая поле будущей битвы за счастье подруги.

Площадь перед управой сверкала разноцветными магическими огнями, в воздухе порхали зачарованные цветы. Из выставленных на подиуме огромных закрученных раковин, окутанных чарами ундин, лилась приятная мелодия.

– Летта!!! – Сонья настойчиво потянула меня за руку к толпе, где под маской мог скрываться и простой работяга, и фейри, и оборотень.

Среди этого многообразия мне предстояло выбрать для подруги принца. Можно без коня. Ведь, по мнению Соньи,

я обречена принести ей удачу и найти для нее самого лучшего кавалера.

Подруга выстроила целую теорию о моей талисманистости. Согласно ей я приношу удачу. Как четырехлистник, подкова или лепреккон. Всем, кто рядом со мной. Всегда. Именно поэтому мне срочно надо распрощаться с частью шевелюры. А еще лучше – сседить немного крови для Соньи. Ведь завтра я улетаю в другой город за новыми саженцами для нашей цветочной фермы, и везение улетаёт вместе со мной. А оно ой как нужно подруге, которую бросил жених! Расторг помолвку ради более выгодной партии. Сонья не любила молодого человека, выбранного отцом, но отказ ее задел, и теперь ей требовался новый кавалер. Такой, чтобы старый удавился, увидев их вместе.

Естественно, я в теорию собственной удачливости не верила. И к расе лепреконов себя не относила. Во-первых, мы с Вейлой – ненужные дочери весьма деловитой особы, забывшей о нашем существовании, когда сестре едва исполнился год, а мне – неделя, и прекрасно без нас живущей уже двадцать лет. И где тут везение? Во-вторых, чары лепреконов хоть и весьма своеобразны, но в храме четко определяются. А мы с Вейлой, по словам служителя, самые что ни на есть люди. Без капли магии. Следовательно, при всей ветрености нашей матушки полукровкой я не была.

А значит, везения от меня – как от той же подковы. Если ее удачно запустить в лоб обидчика.

Но Соня считала, что я не желаю признавать очевидное. Она вбила себе в голову, что удача в торговле цветами пришла в дом Гленды и ее мужа вместе со мной. Ага, двадцать лет назад. В тот день, когда Гленда отыскиала детей своей непутевой сестры в сиротском приюте и забрала. Двадцать лет назад. И только поэтому наше большое и дружное семейство хорошо живет. А не потому, что мы трудимся, как муравьи.

– Ну и кто же это?! Уже выбрала?! – Соня, пританцовывая от нетерпения, поправила маску.

Темноволосая, в облегающем аппетитную фигурку наряде наемницы, позаимствованном у телохранительницы отца, она выглядела привлекательно. На нее заглядывались мужчины, пара масок даже поймала летающие цветы, чтобы, вручив их, пригласить Соню на танец.

– Ну? Постарайся! Пожалуйста-пожалуйста! – взмолилась подруга.

Она действительно верила...

Злость вдруг прошла, мстительное желание ткнуть пальцем в самого кривоногого и дородного кавалера исчезло. Я со вздохом оглядела свободных парней. Прикинула, у кого из них не возникнет желания придушить Соню на третьей минуте знакомства, и кивнула на самого обычного юношу в простом плаще с капюшоном и в маске без блесток.

– Ты уверена? – Подруга недовольно скривила губы, разглядывая кавалера.

– Да!

Совсем рядом громко булькнула мостовая, заставив меня удивленно посмотреть вниз. Камень под подошвами Соньи прямо на глазах превращался в черное нечто, напоминающее смолу.

– Осторожнее! – Спихнув подругу с магической лужи, я отскочила, под ногами жадно чавкнуло.

Сонья как ни в чем не бывало пошла в сторону Плаща, даже не заметив, что я по щиколотку влипла в смолу, переместившуюся на пару шагов вслед за мной. Приклеилась на-мертво.

– Сонья! – закричала я, но мой крик не возымел никакого действия.

Подруга мило заговорила с Плащом, а я меж тем по колесно увязла в черной жиже.

Ночь, площадь – и я в роли поплавка.

Мимо проносились танцующие пары. Никто не выказывал удивления при виде девицы, застрявшей – уже по бедра! – в мостовой. Меня попросту не замечали.

Кто бы ни устроил ловушку, он позаботился о том, чтобы скрыть меня от посторонних глаз. Вот вам и ходячий талисман!

Жижа под ногами вновь возмущенно булькнула, на маслянистой поверхности вспыхнули белые искры. Меня резко дернуло вниз, и я с визгом провалилась в пустоту.

Собиралась полететь... и полетела. Правда, не на об-

лачной колеснице в соседний город за новыми саженцами, а сквозь черный туман – к слепящему свету. Надеюсь, что не к свету мира иного. Вот и проверим Соньину теорию.

Падение замедлилось, и я с истошным воплем плавно приземлилась на нечто твердое. Каблуки громко стукнули о каменную поверхность, а в мои запястья тут же крепко вцепились чьи-то пальцы. Вцепились качественно, словно их обладатель боялся, что сбегу. Сбегу, обязательно. Как только пойму, куда попала. Я распахнула глаза.

Теплый ветерок будто этого и ждал: коснулся лица, взлохматил волосы, окружил ароматом трав и цветов. Я стояла посреди живописных развалин каменной беседки, залитых лучами восходящего солнца. Вокруг шумели деревья-исполины, в кронах щебетали птицы.

Лишить меня рук пытался сильф, бледнолицый и бело волосый, как все представители его расы. Симпатичный, надо заметить. Глаза его были цвета небесной лазури. Длинные волосы шевелились, словно в них заблудился ветер, а за плечами клубились туманом белоснежные крылья-облака.

Вокруг нас носились искры, а под ногами булькала знакомая черная лужа. Правда, форму она теперь имела определенную – многоконечной звезды. Черная многоконечная звезда – верный признак темной ворожбы, это даже дети знают...

Дернувшись всем телом, я с сожалением поняла, что меня опутывает какое-то заклинание, не дающее двигаться и

говорить.

В ответ на гневный взгляд сильф довольно усмехнулся. Нараспев произнес какую-то белиберду, отпустил одну мою руку, отрезал кинжалом прядь волос. И чиркнул лезвием по запястью – сначала себе, а потом и мне, как раз выше застежки на митенке. Боли не последовало. Видимо, побочный эффект от обездвиживания. Наши руки окутало белое свечение, сменившееся желтым. Светопреставление закончилось. За спиной сильфа возникла тень, сотканная из черного тумана. Явно мужская. И на голову выше оригинала.

Я снова попыталась отшатнуться, сдвинуться, хотя бы плюнуть в похитителя девиц – не вышло!

Белобрысый пробурчал очередную абракадабру, тень расплылась и исчезла.

– Прости, наемница, – произнес сильф, отпуская мою руку, на запястье которой не осталось и следа от устроенного им кровопускания. – Не держи на меня зла.

Прощальная фраза для усопших.

Но я-то живая!

– Постарайся провести последние часы с пользой. Помогись богам.

Распахнулись два крыла-облака, и сильф взмыл в синее небо. Крыльями не шевелил. Его нес сам воздух, а облака за спиной – лишь подтверждение чистоты крови.

Меня решил отправить на тот свет чистокровный воздушный подлец.

Как только его облачная светлость скрылась из виду, невидимые оковы исчезли. Увы, только они. Смоляная звезда не желала меня отпускать.

Я ругалась, дергалась. Решила пожертвовать обувкой. Но, полностью распустив шнуровку, так и не смогла вытащить ноги из голенищ. Даже невысокие каблуки оторвать от смолы не получилось!

А звезда, словно издеваясь, стала гладкой, совсем зеркальной, и из отражения на меня раздраженно смотрела девушка с русыми волосами до плеч, успевшими выгореть на солнце. В белой хлопковой блузке с рукавом три четверти, в коричневом корсете и брюках с заклепками и ремнями, я действительно выглядела настоящей наемницей. Особенно со злым выражением лица начинающего мясника и сердитыми блестящими серо-зелеными глазами. Глядя на мою физиономию, забывалось, что роста я чуть выше среднего и самой обычной комплекции. Казалось, сейчас как вытащу из-за спины секиру да как начну махать!

Нервно рассмеявшись, я заметила, что за плечом шевелится нечто темное. Медленно, стараясь не делать резких движений, чтобы не раздражать неизвестного зверя, обернулась.

Напротив головы в воздухе висела большая черная клякса. Хотя нет, скорее сгусток тумана. И от него к моему лицу целенаправленно тянулся отросток. Я отшатнулась, неуклюже села в смолу. Нечто все равно меня достало и коснулось

лба.

– Теплая... – задумчиво выдало облако приятным мужским голосом и потянулось вторым выростом к моему виску. – Странно...

– Что именно?

Двумя пальцами перехватив дымное нечто, я отвела отросток в сторону.

– Ты живая.

– Очень на это надеюсь.

Клякса, точнее, клякс неопределенно хмыкнул, среди черного дыма появились два ярко-желтых глаза, с прищуром меня оглядели.

– Полукровка? Лепрекон? – Черный сгусток опустился на поросший травой пол беседки за пределами многоконечной звезды.

Его что, Сонья покусала? Второй раз за сутки меня называют полукровкой!

Я отрицательно покачала головой, рассматривая говорливую субстанцию.

– А, конечно, не полукровка, – понимающе усмехнулся клякс.

– О чем это ты?

– Я долго спал, но, думаю, вас до сих пор разбирают на сувениры. На удачу.

И этот туда же! Да, Сонья не на пустом месте решила мне прическу садовыми ножницами подровнять. Считалось, что

волосы и кровь лепрекона или его полукровки приносят удачу. Глупость несусветная.

Удачу нельзя забрать или украсть, ее могут дать тебе только добровольно. Неспроста же поговаривают, что у каждого правителя есть советник-лепрекон. И многие удачливые господа – сами либо лепреконы, либо полукровки. Внешне они не отличаются от людей, разве что у чистокровных имеется золотистый узор в форме четырехлистника на ладонях, а у полукровок – широкая золотистая прядь на затылке.

У меня, к счастью, никаких отличий нет. Но Сонье это совершенно не помешало.

– Ну, что молчишь? Откуда тебя Арвель притащил? – проворчал Клякс.

Он вытянулся, стал плотнее. И вот передо мной уже сидел с умным видом... песец.

Полный, то есть толстый, нахальный и довольный песец.

– Из Гвара...

– Это в Рбнате? – спросил зверь, и его тело утратило четкость очертаний. – Людское королевство, если правильно помню.

– Да.

Не успела глазом моргнуть, как собеседник стал забавной черной обезьянкой, затем лебедем, весьма крупным, с теленка, и лишь потом превратился в черного ягуара. Абсолютно черного, только ярко-желтые глаза сверкали на хищной морде.

– Выбираться будешь, наемница? – промурлыкал зверь.

– Я не наемница, это карнавальный костюм.

– Уверена?

– Абсолютно.

– Эх, я уж думал, повезло!

– А ты вообще кто? – настороженно спросила я, озираясь.

Все же сильф молиться посоветовал. Клякс убивать не собирается, значит, меня тут прилепили, как муху, в жертву какому-то лесному монстру.

– Можешь звать меня «мой властелин» или «великий и ужасный».

Я окинула собеседника скептическим взглядом.

– Ладно! – прищурился он. – Я – проклятие. Смертоносное, неустойчивое, теперь твое.

Когда в семье живет шестеро магов разных рас, четверо из которых еще учатся, хочешь не хочешь – а в ворожбе хоть немного начнешь разбираться.

– Издеваешься? – фыркнула я и обрисовала руками контур, изображая кота. – Не бывает живых и разумных проклятий. Проклятие – это магия, формула, сгусток.

– Значит, маги в твоём окружении все же есть, неполукровка, – удовлетворенно констатировал кот.

Опять?

– Есть. – Я поднялась на ноги, смола, к счастью, держала только мои ступни. – Альвы, три штуки. Один – наполовину, две – на четверть. Ундина – чистокровная. А еще есть чело-

век, три кошки, четыре пса, около сотни теплиц, цветочная ферма, где при желании можно найти растения, в которых присутствует магия.

– Ты живешь в цирке? – ошалело спросил Клякс.

– В цирке, розарии, оранжерее, мастерской по плетению кружев, школе и самом лучшем месте в мире.

Ягуар от удивления даже расплылся немного. Пришлось пояснить, уж больно забавной была его вытянувшаяся морда.

– Я живу в доме тети, которую считаю своей матерью, и ее мужа, который стал мне отцом. У меня одна родная сестра, тоже человек. Две родных кузины, которых я считаю сестрами. И одна приемная кузина-сестра.

– О темные туманы! – патетично вздохнул Клякс. – И как мне теперь тебя убивать? Меня же совесть замучает!

– А может, не убивать? – предложила я.

– Может, и не убивать, – задумчиво отозвался ягуар и обошел звезду. Глаза недобро вспыхнули желтым огнем. – Или убивать, я же проклятие!

И прыгнул. На меня. Испуганно вскрикнув, я упала на колени, уворачиваясь от огромного темного тела. Острые когти пронеслись над головой. Поспешно обернулась. Ягуар готовился к новому прыжку. Зубы в темной пасти были черные, но в их остроте я не сомневалась. Смола прочно держала ноги, не давая сбежать. Глядя на приближающуюся меховую тушу, я разозлилась. Так просто не сдамся! Помирать – так с музыкой! Как минимум ногтем выколю глаз черному

монстру.

Я прицелилась, с пальцев сорвались золотые огоньки, об-
лачком ринулись к ягуару. Но не остановили. Кот буквально
вынес меня за пределы звезды. Вместе с ногами и сапогами.

Мы свалились в высокую траву.

Я ждала укуса, а вместо этого получила слюнявый поце-
луй шершавым языком в щеку и снисходительное:

– Умница. Отсыпала мне везения.

– Ах ты, провокатор доморощенный! – Я щелкнула ягуара
по носу и тут же была аккуратно схвачена черными клыками
за митенку.

Ладонь в пасти огромного кота моментально привела в
чувство. Я вспомнила, что Клякс – это не сестры, с которы-
ми можно в шутку подраться подушками.

– Плюй, я успокоилась.

– И не подумая, – фыркнул сквозь сжатые зубы ягуар, от-
ступил, заставляя сесть. – Внимай.

Склонность к высокопарным речам, видимо, была у него
в крови.

– И откуда ты такой взялся? Ай! – Острые зубы чувстви-
тельно сжались на моих пальцах. – Ладно, внимаю. Вещай
уже, – не удержалась я от ехидства.

Клякс ослабил хватку.

– Новость первая: я тебя не убью.

То, что это проклятие не собирается меня убивать, я уже
поняла. А потому терпеливо и молча внимала.

– Новость вторая, – продолжал ягуар слегка шепеляво, мешала моя рука в пасти, – жизнь я тебе испорчу. И сильно. Как именно, узнаем после захода солнца. И еще: ты выжила, потому что в тебе есть кровь лепреконов, минимум половина.

– Я не... – Зубки отговорили возмущаться. – Молчу.

– И последнее: я – проклятие. И у тебя есть два выхода. Или вернуть меня Арвелю, но подобраться к нему будет непросто. Или узнать, откуда я взялось.

Мою ладонь наконец-то отпустили. Стирая пучком травы слюни с митенки, я переваривала услышанное. Получается, моя настоящая мать двадцать лет назад пыталась захомутать мужчину с примесью лепреконской крови. В результате хомутания появилась я. Соня была права – везение у меня есть, правда, весьма своеобразное. Проклятие не убило, а вытащило из ловушки. И предлагает решение проблемы. Только вот...

– Зачем ты мне помогаешь, ты ведь проклятие?

– Думаешь, я в восторге от того, что по чьему-то велению мне приходится портить жизнь другим?

Проклятие с совестью? Все интересней и интересней.

– Не проще ли сдаться законникам? В конце концов, это их работа – разбираться с темной ворожбой, – предложила я самый простой вариант.

Желтые глаза превратились в две ехидные щелочки, ягуар насмешливо спросил:

– Я похож на самоубийцу? Или тебе хочется остаток жиз-

ни смотреть на небо через решетку?

– Ты ничего не путаешь? Это меня притащили за тридцать земель и вручили тебе, а не наоборот! Я жертва темной ворожбы, а не...

– Да что ты говоришь! А маги будут уверены в обратном, – перебил наглый кот.

– Это еще почему?

– Потому что Арвель смешал вашу кровь. Теперь вы с ним кровники.

– И что с того, что мы теперь – названные брат и сестра?

Причины отправлять меня в острог я все равно не видела.

Правда, факт, что у меня появился братец, раздражал. Хотелось найти сильфа Арвеля и отправить его на нашу ферму, полоть плантацию лиловых хризантем, весьма кусачих и шустрых, так и норовящих при виде мотыги начать штурм ограды.

– А еще он промахнулся в паре рун заклинания.

– И?

Проклятие загадочно сощурилось.

– Из-за путаницы в рунах на тебе следы темной ворожбы. У законников сомнений не возникнет: ты вместе с Арвелем проводила обряд, – буднично сообщил кот, словно говорил о погоде, а не о том, что я, сама того не зная, стала преступницей.

В голове не укладывается. Я – и вне закона!

– А с чего это он руны перепутал? – Я с подозрением уста-

вилась на Клякса, невинно изучающего ближайшее дерево.

– Да, это я. Помогал ему как мог! – мстительно промурлыкал ягуар. – Не мог же я позволить, чтобы Арвель так просто от меня избавился. Я рассеюсь, пусть и он помучается. Знаешь, как профессионально призраки родственников могут жизнь портить? А кровник – родственник! Из тебя бы вышло отличное привидение! – довольно закончил ягуар.

– Из меня?

То есть, не окажись во мне крови лепреконов, я бы не только умерла, но еще и таскалась после смерти фантомным хвостиком за сильфом? И все это благодаря «путанице в рунах», устроенной гадким ягуаром?!

– Я же не знал, что ты полукровка, – готовился раствориться в темных туманах! – Кот попятился. – И нечего на меня возмущенно смотреть! Да, я собирался сделать из нового хозяина... хозяйки... привидение. И что?

Я поднялась на ноги, размяла пальцы.

– Я проклятие, забыла? – Кот спрятался за дерево и осторожно выглянул оттуда, хитро блестя желтым глазом. – Мне по статусу положено быть пакостливым. И вообще, откуда такая патологическая честность? А как же авантюристская жилка, ты же лепреконт, частично...

– А вот как раз и просыпается твоя жилка!

И, судя по кровожадному настроению, не одна.

– К законникам! – тем временем фыркали из-за дерева. – Ты бы еще к темным охотникам предложила обратиться!

Интересно, а можно его так одарить удачей, чтобы ему страх как хорошо стало? На кончиках пальцев вспыхнули золотые огоньки, закружились вокруг меня и с размаху врезались в нектати высунувшегося из-за дерева ягуара.

Клякс громко мяукнул. Встопорщил усы. А потом полинял, в одно мгновение став желто-оранжевым с золотисто-коричневыми пятнами. Зубы побелели, язык и пасть покраснели – их мне продемонстрировали в хищном оскале. Ягуар стал больше, массивней. Вскоре передо мной сидел вполне обычный песчаный кот, один из тех, что богачи заводят для охраны и красоты.

За одним исключением: коты – животные, а Клякс – проклятие. Ехидное, вредное, любящее врать и манипулировать другими!

Искр в этот раз получилось меньше. Они напоминали желтых светлячков.

– Убери везение! – Отскочив от меня, кот вновь спрятался за дерево. – Подумаешь, немного направил тебя! Сил уже нету черным ходить!

– А объяснить нельзя было? – Я на цыпочках подбиралась к стволу, за которым укрылся кот. Золотые светлячки по спирали летали над ладонями.

– Объясняй, проси, потом опять объясняй... Так быстрее!

Я нырнула под ветки, замахнулась. Кот испуганно распластался по траве, закрыл голову лапами, зажмурился. Я рассмеелась. Невозможное проклятие!

– Слушай, Клякс, ты всегда такой или для меня специально стараешься? – Я помахала ладонями, светлячки послушно исчезли.

Кот, прекратив изображать жертву нападения, сел и хитро прищурился:

– Если скажу, что все для тебя, согласишься?

– Нет.

– Тогда я всегда такой. Тебе повезло, со мной не заскучаешь.

Это точно!

– Слушай, как ты меня назвала? – Кот вопросительно склонил голову набок.

– Клякс.

Я выбралась из-под веток, окинула взглядом деревья, выискивая среди них необычные, по которым можно определить, куда нас занесло. Но либо мы все еще в Ронате, либо нам «повезло» попасть в самый обычный участок леса где-то на краю света.

– Невежливо обзывать, я же не кот, в конце концов, а проклятие, у меня имя есть, – пробурчал кот, устраиваясь рядом.

– Великий и ужасный? – фыркнула я.

Еще раз осмотрелась и вздохнула, понимая, что с равной вероятностью могу находиться и в землях фейри, и у оборотней (в одном из четырех государств), и в любом из шестнадцати человеческих королевств. А также в лесах гиан, кро-

вожадных духов-прорицателей, или в городах сильфов. Значит, идти можно в любом направлении. Потому как все перечисленные земли граничат с людскими.

– Меня вообще-то Эмрисом зовут, – отвлек от невеселых размышлений Клякс.

– Проклятие с именем? – Я удивленно покосилась на кота.

– А кто запрещал? – фыркнул Эмрис. – А тебя как зовут?

– Виолетта. Летта. – Я оглядела смыкающиеся над головой кроны. – Эмрис, а ты, случайно, не знаешь, где мы?

– Не имею ни малейшего понятия, Арвель меня подчиняющими чарами усыпил. Но лететь он собирался далеко, чтобы никто, не дай крылья, не понял, куда его понесло и зачем.

– И ты так просто уснул? – Не верилось, что это проклятие покорно сдалось.

– А почему бы не отдохнуть? Я во сне постоянно разговариваю, стихи читаю, песни пою... иногда.

– Погоди, ты с Арвелем тоже говорил?

– Пытался, – вздохнул хвостатый интриган. – Но он слишком сильф, чтобы слушать отличные советы старого доброго проклятия.

Представляю, что он насоветовал.

– Подумаешь, ночами спать не давал, так мне же спать не нужно, а у него вон целый дворец под боком, принц, чтоб его темные туманы проглотили!

– Принц? – Я судорожно вспоминала лицо сильфа. Ничем не примечательное, обычное, не внушающее никакого тре-

пета и почтения. – Врешь!

– Да чтоб мне стать розовым бантиком!

Страшная клятва. Принц... Хм, зато теперь понятно, почему первый вариант – найти Арвеля и вернуть ему проклятие – Эмрис назвал сложным. Кто меня к принцу подпустит?

– Если он принц, то где его охрана?

– Во дворце осталась. Арвель от них сбежал. Я помог.

Всё... Я совершенно не понимаю, что творится у Эмриса в голове.

– Зачем? – без особой надежды на внятный ответ спросила я, присматриваясь к высокому дубу.

Вполне подойдет в качестве смотровой вышки.

Где мы, неизвестно. Придется лезть на дерево, чтобы убедиться, что мы не в городах фейри. Потом... идти наугад – по крайней мере, пока не пойму, каких растений тут больше, и не прикину, где именно они могут расти.

– Как «зачем»?! Хотел прогуляться, во дворце та еще скукота! Это с тобой у меня лапы появились, с принцем я только и мог что его глазами и ушами пользоваться и мысленно с ним говорить.

– Так мне еще повезло? – усмехнулась я, подпрыгнула и вцепилась в нижнюю ветку.

Хорошо, что я в наряде наемницы. Лет десять не лазила по деревьям, но руки и ноги помнили. Пыхтя, забралась почти на самую макушку. Мокрая как мышь, уставшая, взгромоздилась на ветку.

Небо, солнце и покачивающиеся верхушки. Прохладный ветерок развеивал волосы. Тихо шуршали листья, на разные голоса переговаривались птицы. Ни тебе холмов с дворцами фейри, ни огромных облаков с белоснежными башнями – городов сильфов – над головой.

Эмрис забрался следом и сердито пробурчал:

– Ну точно, тебе не повезло!

И так довольно прищурился, что я, продолжая цепляться за покачивающуюся ветку, спросила:

– Почему только мне? Ты тоже здесь.

– Так мне есть и пить не надо.

Логично.

Мама Гленда и папа Енрин старались дать нам с сестрами хорошее и разностороннее образование. Только вот курса выживания в дикой природе там не значилось.

Кот тем временем устроился на пару веток ниже и неодобительно посмотрел на свои лапы. Если не нравится, зачем выбрал этот облик?

– А почему именно кот? – полюбопытствовала я.

– Девушки любят котиков, разве нет?

– Да, – вздохнула я. – Только сейчас я бы с удовольствием полюбила какую-нибудь большую птицу. Вроде ездового орла.

На этих огромных хищниках летали, когда не хотели ехать в облачной колеснице.

– И не проси. Мои летательные способности ограничива-

ются только обликом. Если тебе нужен пеший орел, я мигом.

– Значит, ты не такой уж и великий? – поддела я, взгляды-
ваясь в бескрайнее небо.

– Должен же я был попробовать хоть раз почувствовать
себя всемогущим! – В голосе Эмриса мурчаще вибрировал
смех. Кот с прищуром уставился на солнце... вдруг оскалил-
ся и рявкнул: – Вниз! Бегом!

От неожиданности я лишь сильнее вцепилась в ветку.

Небо разрезала белая вспышка.

Портал.

Теоретически создавать порталы может любой сильный
маг, но практически все предпочитают не тратить на это си-
лы. И летают на облачных колесницах, которые по небу везут
грозовые кони, или на ездовых орлах. Дело в том, что пор-
талы – штука крайне неустойчивая. Где выкинет, неизвест-
но. Если вообще выкинет. Девять из десяти безумцев, ре-
шивших перенестись порталом, превращаются в говорящих
призраков. Собственно, от них наши ученые и узнали, куда
деваются пропавшие.

Из сияющего разрыва вывалился синий шар, в поверх-
ность которого вплетались ленты рун. Круша макушки дере-
вьев, срезая на пути ветки, он ринулся к нам.

Я чудом увернулась от сгустка магии, сорвалась и, проле-
тев пару футов вниз, зависла на похрустывающей ветке, пря-
мо под Эмрисом, вцепившимся когтями в ствол.

Грохнуло. Кажется, маг, решивший рискнуть собственной

жизнью, выпал из защитной сферы.

– Ты самый невезучий лепреккон на свете! – проворчал Эмрис, спускаясь и пытаясь лапой подтянуть меня к стволу.

Стараясь не выпустить из рук спасительную ветку, я поглядела вниз, высматривая счастливчика.

На круглой вырубке, засыпанной древесной щепой и листьями, пятеро мордоворотов зверского вида, держа на ладони сгустки тьмы, окружили темноволосого мужчину в зеленой куртке с откинутым на плечи капюшоном, вооруженного лишь кинжалом, напоминающим большой нож.

– Обычно полукровки приносят удачу другим, а ты, похоже, еще и притягиваешь неудачи к себе, – ворчал кот. Его коготь соскользнул с моего пояса, я опасно качнулась, сползая к краю чудом не отломившейся ветки. – Знаешь, какова вероятность оказаться рядом с порталом, который решили использовать для побега темные? Одна на миллиард!

Я, слушая кота, таращилась на магов внизу.

Против темных у Зеленого не было шансов. И он, видимо, это знал. Двигался скупой, спокойно, даже обреченно и нападать не спешил. Сдаваться тоже.

Пятеро темных магов, занимающихся запрещенной ворожбой! К которым из-за Арвеля отнесли бы и меня, если бы я попала в руки законников...

– Ты чего это? – с подозрением осведомился Эмрис, ловко подцепив меня за штаны.

Сгусток тьмы слетел с ладони одного из нападавших, рас-

крылся сетью, усеянной острыми шипами. Зеленый вытащил нож, поднял его на уровень груди, лезвием навстречу опасности, прикрыл глаза. Загорелое, слегка асимметричное лицо было спокойным, густые брови сдвинуты...

И я решила.

Пусть из меня лепрекон – как из Эмриса леди, немного удачи Зеленому не повредит. Я вспомнила, как злилась на проклятие, когда проявились мои силы, и постаралась хорошенько разозлиться на темных. Угрожающе треснувшая в пальцах ветка помогла, напугав до икоты.

Вокруг вспыхнули золотые светляки и под вопль Эмриса: «На кой ему удача?» – упорхнули вниз.

Моя магия окутала Зеленого, он удивленно посмотрел вверх. Взгляд серых глаз скользнул по нам с Эмрисом. Едва заметная несимметричность красивого мужественного лица, которую я уловила сразу, заставила нахмуриться. Только одна раса имела идеальную и неидеальную внешность одновременно – фейри. Но тогда почему он собирается драться ножом? Фейри – сильные маги. Ответ я получила немедленно. На ручке ножа загорелись бело-зеленые руны. Вспыхивали одна за другой, словно вынося приговор темным и нам с Эмрисом. Зеленый оказался охотником богини ночи. Тем, в чьи обязанности входит уничтожать порождения призрачных туманов, разыскивать и отправлять к законникам магов, уличенных в запрещенной ворожбе.

– Поняла наконец-то! Цепляйся давай! – Эмрис подтащил

меня к стволу. – Шевелись! С тем количеством везения, что ты ему отсыпала, он и темных скрутит, и нас мигом скинет!

И стал спускаться вниз. Я грациозностью кота не обладала, но все же поползла.

А на просеке клубился черный туман – выплеснувшаяся сила магов и охотника.

– Поспеши, улитка ты моя невезучая! – торопил Эмрис, перепрыгивая с ветки на ветку.

Впопыхах поставив ногу на сухой сучок, я с тихим писком полетела вниз. Летела, правда, недолго. Рывок – и я повисла на жилете. Благо он был частью плотного корсажа.

– Цепляйся уже за что-нибудь! – прошепелявил Эмрис, удерживая в пасти край жилета. – А то я рискую стать первым беззубым проклятием!

Я послушно дотянулась до ветки, взгромоздилась. На то, чтобы успокоиться и перевести дух, не было ни секунды, мы продолжили спуск. Когда подошвы коснулись земли, колени и руки дрожали, сердце бухало где-то в горле. Но желание очутиться подальше от темного охотника было сильнее усталости. Я неуверенно шагнула в сторону, противоположную вырубке. Ноги предательски подкосились. Эмрис ловко подпер меня сбоку и проворчал:

– Лезь на спину!

Я уселась на кота и вцепилась в жесткую шерсть, с удивлением заметив, что под теплой кожей перекачиваются мышцы, а бока зверя вздымает дыхание.

– Скажи кому – засмеют, – бурчал Эмрис, длинными прыжками увеличивая расстояние между нами и опасностью. – Проклятие тащит проклятого!

Угу. Говорливое, вредное, подозрительно материальное проклятие с именем и собственными взглядами на жизнь!

На спине кота я проехала добрых пару миль. Затем Эмрис сгрузил меня в траву.

– Старею! – устало вздохнул он. – Всего ничего девицу протащил, а уже лапы отваливаются, хвост ломит!

И тут же:

– Ну, чего сидим? Охотника ждем? – Кот растаял, на его месте появился маленький хомячок уже знакомой окраски: золотистый в коричневое пятнышко.

– Тебе неудобно будет, лапки-то короткие. – Я поднялась на ноги, окинула унылым взглядом лес вокруг.

Дуб, ясень, клен... Орешник, бересклет. Все обычное.

– Лапки в самый раз! – Эмрис подбежал к моему сапогу, требовательно потрогал крохотными коготками, ярко-желтые глаза ехидно сощурились. – Должен же я тебе портить жизнь? Вот неси меня, рабыня проклятия!

– А по мордочке? – хмыкнула я, поднимая хомяка на руки и сажая в один из кармашков, приделанных к поясу.

– Куда катится мир! – по-стариковски сварливо воскликнул Эмрис. – Проклятию угрожают дать по морде!

– По мордочке! – поправила я.

– По мордочке можно только погладить!

Я шла до заката. Изучала деревья, кусты и траву, мысленно произносила названия растений. Это отвлекало от усталости и не давало впасть в панику, потому как ситуация – веселее некуда. Я в компании проклятия, тихо сидящего в кармане, топаю в никуда, а где-то позади – темный охотник. И вероятность, что он забыл о той, которая бесцеремонно одарила везением и была замечена в темной ворожке, равна нулю.

Манжетка...

Белые лютики... Стоп! Они ведь растут только в...

Я резко остановилась, присела, раздвинула заросли белых цветов, выискивая прозрачные лепестки плетельницы, растущей в местах, где земли коснулся дух. Растение нашлось быстро.

Я поднялась с корточек, постучала пальцем по карману:

– Эмрис, ты там живой? У меня для тебя новость.

– Живой? Я – проклятие! Хотя... – донеслось из кармана. – Можно сказать, живой. А что? Хочешь сообщить мне, что мы все это время ходили кругами по парку какого-то поклонника дикой природы?

– Если бы. Кажется, мы в лесах гиан.

Гианы, духи-предсказатели, обитали в диких лесах, граничащих с землями сильфов. Хорошая новость: теперь я знаю, где мы. Плохая: гианы не только предсказывают будущее с помощью волшебных прялок, но и пьют кровь.

В кармане громко и со вкусом выругались. Оттуда выпал на траву хомяк, обернулся песчаным котом и сердито прорычал:

– Арвель, шпион недобитый! Какого лешего его сюда понесло?

Пока Эмрис возмущался, я искала пути спасения своего невезучего тела. К счастью, гианы появляются лишь ночью. К несчастью – она скоро настанет. Как укрыться от гиан? Спрятаться. Где? Лучше всего под землей, там их силы не действуют. Времени на поиски оврага или брошенной медведем берлоги нет. Значит, или забраться повыше, или срочно возвращаться к охотнику. Он хоть не кусается. Просто засунет меня в ловушку и отправит к законникам.

Опять на дерево?

Взгляд зацепился за высоченный дуб. Подойдет.

– Эмрис! – Я кивком показала на нашу лиственную гостиницу на эту ночь.

Кот пообещал оторвать Арвелю голову и поставить вместо нее тыкву, всяко в ней больше ума водится.

Я с ним была не согласна. Сильф хорошо придумал: отправиться творить темные дела в леса, куда никто в здравом уме не сунется. Охрана, от которой принц сбежал, точно его тут не ищет. А остаточная магия гиан, которая здесь повсюду, стерла следы запрещенной ворожбы. Теперь только темный охотник распознает ее отголоски на драгоценной шкурке принца. А их во дворцы приглашают лишь в случае край-

ней надобности. Если уж свои маги не справятся. К сожалению, именно охотник у нас на хвосте.

Под подошвами громко хрустнуло, зеленая трава ушла из-под ног. Взмахнув руками, я провалилась в закрытую живым растительным пологом медвежью яму, больно ударившись копчиком о твердую землю, и с ужасом оглядела поломанные колья, на которые приземлился Эмрис. Трава над головой с шорохом сомкнулась.

Потирая ушибленное место, я поднялась на ноги. Эмрис выбрался из-под кольев, отряхнулся. Мы переглянулись и рассмеялись.

Не знаю, что за самоубийца решил ловить медведей в лесах гиан, но спасибо ему огромное!

Теперь у нас есть убежище на ночь, осталось придумать, как из него утром выбраться. А еще безумно хотелось есть и пить. Если сознание уже привыкло к тому, что моя жизнь меняется, как стеклышки в калейдоскопе, то тело решило потребовать все, чего его лишили. Требование вполне законное. Провалилась в смолу я вечером, оказалась в компании Арвеля утром. И целый день лазила, бегала и скакала по лесу. Надо было вначале ручей искать, а потом на дуб лезть.

Я обошла наше временное убежище. Обычная яма, вырытая на совесть: глубокая и широкая, чтобы зверь не выбрался. Впрочем, судя по поломанным кольям, либо до нас сюда провалился пещерный медведь-гигант или еще кто покрупнее. Колья в щепы разломал. Причем они были не малень-

кие, почти бревна.

Выбрав несколько больших и широких щеп, я положила их на землю у стены и села. Вытянула ноги, давая натруженным мышцам отдых. Выбираться из ямы до утра в цепкие когти гиан было бы глупо, так что придется моему ненакормленному и ненапоенному животу потерпеть.

Эмрис улегся рядом. Я положила ладонь на пушистую спинку.

– Я проклятие, а не котик, – напомнил котик. Мягкий, теплый...

Я зевнула. От усталости слипались глаза.

– Ладно, побуду котиком, ложись. – Эмрис придвинулся вплотную, повернулся боком.

Я с улыбкой положила голову на шею «великого и ужасного» проклятия, обняла.

– Любопытно, кому так повезло, что мы сюда свалились? – проорчал Эмрис, убаюкивая.

Мысли путались, но я согнала их в кучу и выделила из слов проклятия главное.

– Думаешь, я не только могу одарить везением, но забираю чужое невезение?

– Да.

– А разве так бывает?

Ни разу не слышала, чтобы лепрекконы или их полукровки забирали чужие проблемы.

– Нет. Но, знаешь, проклятия тоже не каждый день ста-

новятся материальными. Спи, Летта, у нас еще есть немного времени до заката.

– Мы под землей, гианы нас не найдут. А если и найдут, не смогут причинить вреда, под землей их силы не действуют.

– Спи.

Погружаясь в вязкий туман сна, я подумала: как там мои домашние? Волнуются, ищут. Или решили, что я провела ночь у подруги, а потом села на облачную колесницу и улетила, как и собиралась. Багаж я ведь отправила до феерического появления Соньи и портняжных ножниц. И как там Сонья?

Леса гиан – не место для прогулок. Особенно ночных. После захода солнца спастись от «радушия» духов можно только под землей, иначе не поможет ни сила фейри, ни быстрота оборотня. Но Кайден не боялся быть покусанным, скорее опасался получить в отместку за несъедобность размытое предсказание.

Светящиеся, точно гнилушки, ловкие тела стремительно растворялись в темноте ночного леса, освобождая путь охотнику, быстро идущему к границе их владений. Там ждет патруль, которому Кайден передаст пойманных темных. На этом миссия охотника будет выполнена. Он не запоминал лица и имена нарушителей. Названия поселков и городов, куда приводили магические вестники, тоже его мало волновали.

Его жизнь принадлежала богине ночи – Неназванной.

Неназванная, первая богиня... Та, что порождает тьму и несет вместе с новым днем свет. Она следит за тем, чтобы темные туманы не закрыли навечно земли. И потому Неназванная находит охотников. Она дает силу служить, но взамен отбирает часть души, у каждого – что-то свое. У Кайдена платой стала сила крови. Фейри не мог воспользоваться врожденной магией – лишь даром Неназванной.

В начале службы Кай мечтал узнать, кем был до того, как оказался у алтаря храма. Потому что не помнил. Совсем. И богиня тут ни при чем. Мечтал, но бесконечная охота не давала остановиться. А потом... минуло слишком много лет. А сейчас это его уже не интересовало.

Фонари, подвешенные к бокам воздушных колесниц, Кайден заметил издалека. Изящные, напоминающие ладьи летающие повозки радовали взгляд плавностью линий. Грозовые кони, сотканные из магии и облаков, были самой распространенной серой масти. Не светлые, что везут неторопливые грузовые телеги. Но и не темные, похожие на тучи, готовые разразиться ливнем. Таких сильфы оставляли себе. Если с темного грозового коня слетит магическая сбруя, то он превратится в ураган, справиться с которым под силу лишь тому, кому подвластна стихия воздуха.

Кай отвлекся от волшебных скакунов, созданных магией сильфов.

Лица законников могли вызвать оскомину не хуже уку-

са. Но Кайдена это не раздражало. Привык. Охотники вне семьи, вне государств, вне войн и распрей. Их попросту опасаются.

Приблизившись к патрулю, Кайден специально начал наступать на сухие ветки. Мало ли... Законники – народ нервный, особенно те, кого вытащили посреди ночи вестником. А если они из маленького городка, то точно вначале ударят, а потом станут разбираться, кто вышел из сумрака. Серьезно навредить охотнику вряд ли смогут, но лес вокруг попортят, зверье распугают. Однако ждать до утра некогда: у Кая появилась новая цель, и ему срочно нужно избавиться от пойманных молодцов, томящихся в магической ловушке.

Цель весьма странная.

Обычно маги, замешанные в темной ворожбе, старались убраться с его пути прежде, чем попасться на глаза. А эта... Вместо того чтобы прикинуться шишкой или белочкой, а после тихо испариться, она бухнула по нему везением. Не зная он, что сила лепреконов не причиняет вреда, решил бы, что хотела убить. Но нет, темная полукровка пыталась ему помочь. Словно сперва не разобралась, кто он, а поняв, сбежала. Причем не из леса гиан, а в его глубь. Будто не ориентировалась, где находится, или слишком умна и понимала, где он будет искать ее в первую очередь. Именно поэтому, закрыв темных в ловушке, Кайден прошел по следам девушки и кота.

Еще и кот ее этот. В нем чувствовалась тьма. Бедное жи-

вотное явно использовали в каком-то обряде. Жаль – освободить такого зверя от чар очень сложно.

И последнее, что не давало покоя охотнику, – какого лесного девушка и кот делали на дереве? Что забыли в лесу гиан? Впервые за много лет Кайдэн испытывал чувство, отдаленно напоминающее любопытство.

– Доброй ночи, господин охотник, – поздоровался плечистый глава патруля.

Кай кивнул в ответ, подошел к колеснице и без каких-либо пояснений вытащил из кармана фиолетовый кристалл ловушки. Приложил ладонь к рукояти ножа, дождался, когда сила заструится по жилам, вспыхнут руны. Передал частичку магии ловушке, открывая замок.

Из фиолетовой воронки один за другим к ногам патрульных выпали темные. За ними охотник гонялся несколько дней по одному из островов ундин. Им бы удалось уйти порталом, не успей он бросить аркан. Повезло: все живы, почти здоровы – Кай не любил долгих поединков и старался обездвигивать противников сразу – и готовы предстать перед судом.

Оставив патрульным темных, Кай направился обратно в лес. Пройдя четверть мили, понял, что у него появилась вторая тень: гиана, скрываясь за стволами деревьев, шла следом. Острый глаз охотника постоянно замечал то край платья, сотканного из листьев, то когтистую руку, то сияющую прядь волос. Дух боялся ночного гостя, но все равно не отставал.

Это могло означать лишь одно – предсказание. Для него, для Кайдена. Гиана не могла его не озвучить, потому что иначе потеряет дар.

Кто-то специально, рискуя жизнью, лезет в леса духов, чтобы окопаться в какой-нибудь яме и, приманив гиану песней, получить пророчество. А охотнику даже закапываться не пришлось!

Кайден остановился.

– Говори уже.

В зарослях зашуршало, и девичий голосок произнес:

– Старые дела, новые – все едино.

Кай хмыкнул – более нелепого предсказания он не слышал. Без прошлого нет будущего, это все знают. Даже у него, беспамятного, есть прошлое, хотя бы то, которое он прожил, став охотником.

А гиана продолжала:

– Не забывай, кто ты, а то душу потеряешь.

Дух исчез, а охотник, насмешливо пожав плечами, зашагал дальше. Не забывать, кто он? Так он и не мог забыть. Одно задание сменилось другим, он снова ищет темную.

Глава 2

Проснулась я от ощущения чужого взгляда, цепкого и холодного. Открыв глаза, тихо ругнулась. Солнце давно село, на лес опустилась ночь, а с ней нас нашли очередные неприятности.

Напротив меня, сияя мертвенно-зеленым светом, как гнилушка на болоте, сидела худощавая девушка. Гиана. Собственной жуткой персоной! Тонкие пальцы незваной гостьи украшали внушительные когти, по сотканному из листьев платью скользили крохотные паучки, а на свитом из лыка поясе висела маленькая прялка. Толстая нить, тянущаяся от кудели, опутывала гиану от длинных волос до ногтей-ножей на аккуратных ногах, но ничуть не мешала медленно поворачивать голову, изучая нас с Эмрисом. Там, где опутанное рукоделием тело духа касалось земли, прорастали прозрачные побеги плетельницы.

– Ты... – бледные губы приоткрылись, обнажая острые рыбы зубы, когтистый палец показал на Эмриса, узкая ладонь второй руки легла на прялку, – предашь, ты снова предашь. Не сомневайся.

Взгляд сияющих глаз переместился на меня, я поежилась.

– А ты... Столько нитей сплетено вокруг тебя... и тянутся они во все стороны... – Гостья задумчиво качнула головой. – Но не я твоя смерть, не ко мне ведет нить.

Голова девушки повернулась вокруг своей оси, как у совы, и гиана снова обратила на меня жуткий взор. Я сказала «взор»? Кажется, пафос Эмриса заразен.

– Смотри на свои ладони, слушай сердце и верь. – Гостья прислушалась, поглядела вверх, нехорошо усмехнулась. – А твоя смерть уже ищет. Спроси у него, – кивок на Эмриса, – о чем он молчит?

Гиана кровожадно облизнулась.

– Но я могу избавить тебя от мучений... Хочешь?

– Нет, – прошептала я, прекрасно понимая, на какое избавление намекает дух.

Выпить меня, высушить, как чертополох сушат лучи солнца, и нет проблем. И меня тоже.

– Даже капли крови не дашь? – зубасто улыбнулась гиана.

– Нет!

– Еще чего! – отмер Эмрис, до этого подозрительно долго молчавший. – Чтобы ты из нее жизнь по капле высосала? Как я без хозяйки буду? Моя она, поняла?

Кот отпихнул меня к стене ямы, шагнул к гиане, расплылся, превращаясь в сгусток тьмы, отдаленно напоминающий человеческий силуэт.

– Предашь, – мстительно повторила дева, растворяясь в темноте, оставляя нам лишь слабое сияние выросшей на полу плетельницы.

– Проклятиям положено, – буркнул Эмрис, снова становясь котом, покосился на светящиеся побеги: – Хоть ка-

кая-то польза от когтистой, а то предсказание – курам на смех. Зря только приманивал. Аж охрип, пока серенады тут, точно мартовский кот, выводил!

– Что ты делал? – Я поймала интригана за ухо, притянула к себе.

От возмущения и злости не находила слов. Этот... это проклятие, чтоб ему в зарослях кактусов станцевать, специально подманило гиану, пока я спала?!

– Почему я не проснулась?

– Так я тебе уши лапами закрыл.

– Закрыл и подманил?

– Да, как запах ее почуял. Гианы на новые песни падкие, к ним тут нечасто гости забредают.

Да-да. А идиоты, что решаются горланить куплеты, сидя в яме, еще реже встречаются.

– Сама подумай, такой шанс узнать будущее, – прошипел Эмрис, пытаясь лапой избавить свое ухо от моих пальцев. – Мы ведь все равно под землей, тут у нее почти нет сил.

– Все равно?! Все равно?! – Я споткнулась, наклонилась, подхватила щепку. – Любишь предсказания? Предсказываю твоему хвосту кучу заноз!

– Убери палку! – попятился Эмрис, моментом выдрав ухо из захвата.

– И не подумаю!

Я гоняла кота по яме минут пять, пока окончательно не выдохлась. Достать до его пушистой вредности не удалось

ни разу – в отличие от меня, у Эмриса не болели ноги и не тряслись от усталости руки. Серdito бросив щепку, села у стены.

– Знаешь, еще парочка твоих выкрутасов, и я отправлюсь к законникам! – Я серdito поправила застешку на митенке.

– И проведешь всю жизнь взаперти? – Эмрис подкрался ближе. Припадая к земле, подполз. – А как же твой домашний цирк? Как они без тебя?

– Нормально. Они поймут. И постараются мне помочь.

– А ваши клиенты? Тоже поймут? А как же репутация? Или твой отец настолько богат, что на нее плевать?

Знает, куда бить, паршивец. Наша семья состоятельна, но репутацию приемные родители заработали потом и кровью. Сейчас мы ни в чем не нуждались, но и я, и Вейла, и Неста хорошо помнили времена, когда делили один кусок хлеба на троих. Прав Эмрис: нельзя попадать в тюрьму, никак нельзя. Но согласиться – значит развязать коту лапы, благословив на любые аферы.

Я обиженно молчала, разглядывая светящиеся побеги. Толстые, сочные, с крупными прозрачными листьями, они так и просились в нашу оранжерею. Конечно, выращивать поднятые магией духов растения непросто, но отец с сестрами справляются. Не зря же наша ферма славится редкими растениями на любой вкус.

Я вытащила из кармашка носовой платок, подошла к горе сломанных кольев. Выбрала несколько небольших щепок,

скрепила тканевыми лентами в подобие горшка. Вооружившись еще одной деревяшкой, приступила к пересадке.

– Знаешь, обычно девицы ограничиваются восторженным писком и веточкой, а ты...

– А я – жадный лепреккон, – перебила я, все еще злая на кота за выходку с гианой.

Растение смотрелось в импровизированном горшке экзотично. Надо потом еще глиной ненадежное сооружение снаружи обмазать. И цветок полить.

Под митенкой щекотало, словно туда попало немного земли. Отставив растение, я уселась на широкие щепки у стены и, используя его в качестве светильника, расстегнула пуговицу. Стащив митенку, ошеломленно моргнула. Не поняла! На коже виднелась золотистая загогулина, отдаленно напоминающая половинку четырехлистника. Я потерла пальцем ладонь, загогулина никуда не делась.

– А предсказание гианы не такое уж и бесполезное, – довольно фыркнул Эмрис.

Я что, половина лепреккона, что ли? У чистокровных – целые четырехлистники на ладонях, у полукровок – золотистая прядь на затылке. А у меня половина листа... Я оторопело дотронулась до затылка – жаль, не взяла зеркальце, хотя Сонья пихала его настойчиво мне в карман.

– Повернись! Кругом! – скомандовал Эмрис и, когда я торопливо обернулась, разочарованно вздохнул: – Надо днем смотреть, сейчас не разберешь.

– А ты разве не видишь в темноте?

– Вижу, но цвета не различаю.

Я села обратно, провела по узору пальцем. По половине узора.

– Ты бы прислонилась к стенке на всякий случай, – посоветовал Эмрис, с прищуром глядя на растительную завесу над нами.

– Зачем? – Я натянула митенку, застегнула пуговицу.

– Время подходит, – туманно пояснил кот.

– Какое еще время?

– Когда Арвель начал обряд.

– И?

Вот почему если что важное, то из него приходится клешами тянуть?

– И скоро проверим, насколько удачно я помешал ему это сделать.

Время, когда Арвель начал обряд, подошло... и пошло дальше. Я, зевая, следила за озадаченным Эмрисом.

– Да-а-а, – задумчиво протянул он, – видимо, старею. Хотя...

Кот расплылся, превратился вначале в верткого лиса, потом в грифа. Плетельница давала достаточно света, и метаморфозы проклятия я отлично разглядела. И то, что меня обнюхивают, тоже.

Крылатым он пробыл недолго. Не успела вдоволь насла-

диться видом голой шеи грифа, как на месте птицы оказалась огромная змея и, продемонстрировав раздвоенный язык, радостно прошипела:

– Сейчас начнется!

Спросить, что именно начнется, не успела. Кожа зачесалась, словно я забралась в муравейник и все шестиногое воинство вышло меня встречать. Особенно сильно зудели пальцы. Опустив глаза, я испуганно уставилась на прозрачную ладонь. Сердце замерло, и я, сипло выдохнув, превратилась в... призрака. Осознать то, что жизнь вот так резко закончилась, не получалось. Мешало сбившееся дыхание, шум крови в ушах и мелкая дрожь во всем прозрачном голубоватом теле.

Не знала, что близкие к истерике привидения испытывают те же эмоции, что и живые люди. Теперь понятно, отчего они такие вредные. Тела нет, а все чувства – тут.

– Ай да я! – Лукавый голос Эмриса отвлек меня от изучения своего посмертия.

Кот подбежал, потрогал ногу лапой и приказал, не скрывая восторга:

– В стену руку сунь!

Глядя на счастливое проклятие, я поняла, что из меня выйдет очень вредный призрак. Потому что желание стереть с его морды благостное выражение стало нестерпимым.

Вместо того чтобы проверять стены на проходимость, я пошла к куче поломанных кольев, подцепила небольшую,

но увесистую палку и с дрыном наперевес двинулась на Эмриса. Вреда я проклятию не причиню – он ведь проклятие, – зато душу отведу. Призрачную душу. Эх!

Эмрис сощурился, отступил. Я следом.

– Палку положи, а то занозу загонишь, а я лечить не умею.

– Я призрак, что мне занозы? – рассмеялась я.

И как накаркала – занозила палец. Было не больно, скорее неприятно. Сунув дубинку под мышку, я вытащила кусочек щепки из подушечки, слизнула алую капельку крови.

Кровь?!

Я оторопело уставилась на ранку. Сердце радостно застучало, в голове пронеслось, что так не бывает. Покосилась на Эмриса. Ну да, не бывает. Со мной, похоже, все, что «не бывает», превращается в «очень даже бывает».

– Я жива?

– Угу, – подтвердил Эмрис.

– Живой призрак?

– Именно.

Великолепно! Теперь мы с котом два сапога пара: говорливое проклятие с именем и живой призрак. Правда, живой я буду ровно до встречи с первым встречным магом-законником или, что более вероятно, темным охотником. Сомневаюсь, что они станут проверять степень моей живости. Впрочем, может, не все так плохо?

– Это навсегда? – Я посмотрела на Эмриса сквозь прозрачную ладонь.

Что интересно, вместе со мной материальность потеряла и одежда. И импровизированная дубинка, которую сунула под мышку.

Как такое возможно? Я взяла дрын в руку, палка тут же стала обычной.

– Как любопытно! – Эмрис потянулся к деревяшке.

Я не удержалась и несильно стукнула проклятие по носу.

– О-о-о! – обрадовался кот. – Она материальная!

Но меня сейчас больше волновал вопрос материальности собственного тела, на который я так и не получила ответа.

– Не отвлекайся. Я навсегда останусь такой?

– К сожалению, нет, – вздохнул Эмрис.

– «К сожалению»? Ты серьезно?

– Ага. Жаль, что из тебя настоящий призрак не вышел. Ты только подумай – никаких проблем! Ни тебе еды, ни воды не надо...

Я угрожающе подняла палку.

– Да успокойся ты! Ишь какая воинственная! Это временно. На тебе ни одно заклинание нормально не срабатывает.

– И слава всем богам, что не срабатывает!

– Слушай, а тебя раньше не проклинали?

– Не помню такого. Да и зачем кому-то проклинать самого обычного чело... – Я запнулась. Называть себя человеком, когда на руке половина отметины лепреконов, было бы странно. – В смысле – самую обычную девушку. И вообще, разве можно проклясть лепрекона? У них же удача!

– Нельзя. Но ты... интересная девушка.

Прозвучало так, словно я саженец редкого растения, экзотического, но непонятно, нужного ли. Хотела сказать об этом Эмрису, но почва ушла из-под ног, и я утонула в белой вспышке.

– Не паникуй! Это быстро пройдет! Передай от меня привет! – донеслось издалека.

В этот раз падение закончилось моментально. Только была в яме посреди леса гиан – и уже стою в центре помпезно обставленной спальни. Алые с золотой вышивкой портьеры, толстые ковры, огромная кровать с балдахином, стол, ломящийся от яств и всевозможной выпивки.

Вначале я решила, что очутилась в чьем-то доме. Потом заметила затертые пятна на коврах, скол на деревянном подлокотнике кресла, замазанный краской. И набор табличек, которые постояльцы гостиниц вешают на дверь.

Ну и куда меня занесло?

Под столом сонно забормотало. Сунув палку под мышку, я присела, подняла скатерть и плотоядно улыбнулась. Есть в мире справедливость – на натертом до блеска паркете спал Арвель, одетый в штаны и крылья. Видимо, прежде чем возвращаться домой, облачный гад решил отметить избавление от Эмриса. Только вот, похоже, венценосное тельце переборщило с возлиянием, раз так и не дошло до аппетитных закусок и жаркого, ныне холодного, со слоем застывшего жира по краю тарелки.

Мой живот выдал тонкую голодную трель. Я решила вначале перекусить, запастись провиантом и обмундированием начинающего путешественника, а потом уже радовать названного братца своим появлением. Мало ли когда обратно утянет – Эмрис сказал, что это временно. Сцапав с подноса давно остывший горячий бутерброд, я заметалась по номеру, вихрем снося все, что может пригодиться в походе. От моих прозрачных рук пострадали: шкаф, полки в ванной, шторка, отгораживающая кабинку для омовений, постель, цветок на подоконнике и не тронутая Арвелем еда на столе.

В итоге я разложила добычу по двум импровизированным сумкам из больших гостиничных полотенец, перевязанных оторванным от балдахина шнуром. В одной – еда, завернутая в салфетки, нож, вилка, ложка, посеребренное железное блюдо, графин с водой, обернутый куском полотенца, чтобы случайно не разлился и не разбился. В другой – одеяло, непромокаемая шторка, туалетные принадлежности и куртка Арвеля. Горшок, конфискованный у гостиничной азалии, гордо висел, прицепленный за одно ушко сбоку.

Проще было бы сложить все награбленное в сумку, но принцу, видимо, не по статусу таскать с собой торбу, пришлось изобретать. Связав баулы остатками шнура, я соорудила из него же ремни для своего увесистого рюкзака. Прodelа руки в петли и с удивлением поняла, что меня смущало, когда призрачная палка была под мышкой: вместе с материальностью исчезал ее вес. И сейчас рюкзак стал невесомым.

Хоть какой-то плюс!

Прежде чем будить Арвеля, я наскоро перекусила жареными перепелами. Я как раз вытирала салфеткой прозрачные пальцы, когда из-под стола донеслись ругательство и звук удара. Видимо, принц очнулся, увидел мои призрачные ноги и обрадовался.

Отодвинув кресло, я взяла со стола палку и присела на корточки. Арвель как тер ладонью светлую макушку, так и замер. Только волосы немного шевелились. К сожалению, не от ужаса, а оттого, что в сильфах много стихии воздуха.

– Привет, братец! – постукивая концом палки по паркету, поздоровалась я.

– Этого только не хватало! – простонал Арвель.

Помотал головой, закрыл глаза, открыл, снова закрыл, снова помотал. Но причина вынужденной зарядки – я – насмешливо сидела напротив и не исчезала.

– Я тоже рада тебя видеть! Кстати, тебе привет от Эмриса.

– От кого? – Арвель прекратил трясти головой, удивленно уставился на меня.

А что, Эмрис ему не представился? Неудобно получилось.

– От проклятия, – исправилась я.

Названный братец, которого хотелось не то придушить, не то забрать с собой в лес гиан на прогулку, нахмурился. Впрочем, смысл его тащить? Он же крылатый, мигом улетит.

– У него что, имя появилось? – Сильф пригладил волосы пятерней.

– Ага. Брошенные проклятия – они такие, именами обзаводятся и планы мести вынашивают, – ехидно подтвердила я, немного сгустив краски.

– Мести?

– А ты как думал? Бросил его одного посреди леса, бедного, даже фляжки с водой не оставил!

– Зачем ему вода? Он же проклятие! – спросил Арвель, потом лазоревые глаза гневно сверкнули: – Да что я с тобой вообще говорю!

И забубнил.

Я отпрянула назад, отлично помня, чем закончилось его бормотание в прошлый раз.

Выглядывающий из-под края скатерти сильф торжествующе оскалился, дочитав заклинание. Я сжалась, сидя на полу, и...

И ничего не произошло.

Арвель выбрался из-под стола окончательно, сел, скрестив ноги. Зло смерил меня взглядом. И опять начал бормотать.

Во второй раз я ждала конца заклинания не без опаски, но с интересом. Однако либо сильф разучился колдовать, либо его магия на меня больше не действовала.

В третий раз принц попытался избавиться от меня без особой надежды, чисто из вредности. Пока он повторял непонятные слова, я поднялась на ноги, подобрала с пола дубинку, положила ее на стол: у меня в яме этого добра много,

а принц вполне может решить, что я ему почудилась. Нет, я не вредная. Просто когда тебе отдают чужое проклятие, а потом превращают в призрака, характер портится.

Именно поэтому я перебила Арвеля и дружелюбно предложила:

– Может, у тебя интонация неправильная? Надо угрожающе так... Изыди!

Его облачная пакость подпрыгнула на месте, зацепила скатерть и получила свалившейся со стола палкой по плечу, а я провалилась в знакомую белую вспышку.

Со смехом выпала на пол медвежьей ямы, стукнулась локтем, зашипела от боли и потерла пострадавшее место своими обычными пальцами. Ура! Я – снова я.

В нашем временном убежище все было по-прежнему: лежала куча щепок, светилась в импровизированном горшке плетельница, Эмрис глядел на меня с ожиданием, косился на мой «рюкзак».

– Как там Арвель? – Эмрис принялся, расплылся, и ко мне засеменил, перебирая лапками, енот, той же золотисто-желто-коричневой пятнистой окраски, что и кот.

– До слез растрогался, увидев меня.

Я стянула с плеч ремни, открутила шнур с одной стороны, с гордостью показала Эмрису запасы съестного.

Вытащила бутерброд, разломил его (сказалась привычка делиться с сестрами):

– Будешь?

Мало ли, проклятие – с именем, вдруг у него и аппетит проснется?

– Я проклятие, – напомнил Эмрис, но угощение взял.

Помял в лапках, откусил, с аппетитом зачавкал.

– Кто-то говорил, что не может есть, – хмыкнула я, следя за енотом, запикивающим бутерброд в рот.

– Я говорил «мне не нужно есть», а не «не могу есть»! – сыто икнул Эмрис, заглянул в баул, причмокнул и уныло вздохнул: – Ладно, не буду тебя объедать. Так как там Арвель?

– Радует, наверное. Я ему дубинку подарила. Чтобы не сомневался, а то он так обрадовался, что ты исчез, пир горой закатил.

Я достала графин с водой, размотала и отпила.

– Вот неблагодарный! Я ему, между прочим, дельные советы давал. Но у него же одни дев... фрейлины на уме да где бы погулять. Привет передала? – снова став котом, прищурился Эмрис.

– А то!

Обрисовав нашу встречу с братцем в красках, я пересадил плетельницу в нормальный горшок и улеглась спать, завернувшись в мягкое одеяло и подложив под голову сложенное полотенце.

– Летта? – Эмрис заглянул мне в лицо.

– Что?

– А давай совместим приятное с полезным?

– Что с чем?

– Поиски места, откуда я взялся, и Арвеля – пусть помогает. Знаешь, неохота опять в его мозгах сидеть.

– Давай! – сонно улыбнулась я.

Сама не хотела возвращать кота принцу. Жалко его. Эмриса, естественно. С таким заносчивым паршивцем, как мой братец, никакой оптимизм и веселый нрав не поможет.

Вам когда-нибудь подавала завтрак обезьяна с кошачьей головой? Вот и я оказалась не готова к новому облику Эмриса. Испуганно охнув, бросила в чудо-юдо то, что попало под руку. А попался связанный из деревяшек пустой горшок. Котообезьян ловко увернулся, чудом не уронив самодельный поднос из тонкого обломка кола, и сердито пробурчал:

– Какие нынче леди чувствительные! Напомни тебе валерьянки нарвать или корней пустырника накопать, нервная ты какая-то.

Я с сомнением оглядела проклятие. Жуть, если честно. Тут бы не только нервную леди проняло.

– Завтрак в постель подан! То есть в одеяло... в яму... Не важно. Завтрак! – Меняя кошачью голову на обезьянью, Эмрис протянул мне поднос: – Жуй – и полезли.

Перекусив бутербродом, я отказалась от воды, организм требовал кустиков, а они – наверху.

Выползали из ямы в несколько этапов. Первым выскочил Эмрис-обезьян. Затем я побросала ему баулы и под насмеш-

ливое обещание оставить меня в яме вместе с плетельницей спровадила трофейное растение, используя обрывок шнура, продетого в ушки горшка.

Последней была я. Занятно, но стоило ухватиться за шнур, спущенный в яму Эмрисом, как тот выскользнул из рук, будто маслом намазанный. Я с размаху села на земляной пол. Вторая попытка удалась, я почти забралась на край ямы... как вдруг он решил обвалиться. Чудом уцепившись за шею проклятия, от неожиданности ставшего котом, я повисла над ямой.

– Кому ж там опять везет? – пяясь, ворчливо профыркал Эмрис.

Опять он о своей теории моего невезения! Оказавшись на твердой земле, я быстро огляделась и, выбрав густые кусты, отправилась по нестерпимой надобности.

– Думаешь, сюда еще кто-то сунулся? – крикнула я оттуда.

– Как минимум один точно сунулся! – донеслось из-за веток.

Ах да, охотник. Лучше бы не напоминал, я еще не привыкла к статусу преступницы.

Выбравшись из кустов, Эмриса я не обнаружила. Баулы и горшок были, а проклятия не наблюдалось. Прислушавшись, уловила знакомое ворчание. Нацепив «рюкзак» на спину, я подхватила плетельницу и пошла на шум.

На небольшой полянке в нескольких шагах от ямы, где мы ночевали, Эмрис, припадая на четыре лапы, пытался сбро-

силь магические путы, накинутые охотником. Тем самым фейри, которого я одарила везением. Ленты магии, на которых вспыхивали бело-зеленые руны, сжимались, по шерсти проклятия струилась тьма. Еще немного – и у меня не будет проклятия! Я должна радоваться? Не выходит. Эмрис не виноват, что он такой.

– Не трогай его! – Я запустила в фейри самым дорогим – горшком с плетельницей.

Растение, конечно, жалко, но кота жалче.

Снаряд до цели не долетел, его перехватила одна из магических плетей, что тянулись от ножа в руках охотника.

– Отпусти его, он же живой! – Я бросилась к фейри.

Но магия охотника действовала быстрее. Меня скрутило по рукам и ногам и силой усадило на землю.

– Да чтоб тебе везло так, чтобы вздохнуть не мог! – в сердцах пожелала я.

Ладони прорезало болью, словно в них впились тысячи иголок, воздух вокруг вспыхнул золотом, закружились магические огоньки, ринулись на фейри. На секунду скрыли его из виду, потом пыльца будто осела на охотника, и он сияющей статуей опустился на колени рядом со мной. Стиснул голову руками и упал. Путы исчезли.

Что я наделала?

– Впервые вижу, чтобы везение использовали как оружие. – Покачиваясь, Эмрис подошел ко мне.

– Я его убила? – бессильно глядя на неподвижного охот-

ника, сияющего, как новая монета, прошептала я.

Кот вытянул шею, прислушался, шевельнул усами:

– Нет. Он без сознания. Но проблем нам добавила. Эй, ты куда?!

Я осторожно подошла к фе́йри. Золотая пыльца почти впилалась в кожу, остались лишь сверкающие крупицы. Я дотронулась до смуглой шеи охотника, отыскивала уверенно бьющуюся жилку, прислушалась к ровному дыханию.

– Ну что, проверила, недоверчивая ты наша? – насмешливо и слегка обиженно поинтересовался Эмрис.

– Не дуйся.

– Да ладно, ты не первая, кто не верит бедняге Эмрису! Летта, а давай сдадимся в плен?

– Зачем? – От радости, что охотник жив, я плохо соображала.

– Он знает дорогу из леса.

– Он же тебя убьет.

Эмрис отрицательно покачал головой.

Я нахмурилась:

– Но как же?..

Что я тогда видела?

– Нам попался на редкость милосердный охотник, он пытался изгнать из меня тьму.

– Что?!

Изгнать тьму из проклятия? Мне одной это кажется странным?

– Он не видит мою сущность, – довольно сообщил Эмрис. – Спасибо твоему везению, ты столько в меня вбухала, что теперь я для охотников – бедная зверюшка, на которой темные ставили опыты. Добавишь еще немного, и я благополучно сыграю зверька, спасенного охотником.

Идея хорошая. Но есть одно «но».

– А как же я? Он ведь все равно будет считать меня темной?

– Побудешь темной, тебе жалко? Выйдем из леса и сбежим. Если ты не заметила, его магия не может причинить тебе вреда. Видимо, перебор твоего везения в его крови скачивается.

– Уверен?

Ленты меня очень качественно спеленали.

– Уверен. Ты ж смогла в путах его шарахнуть. Или тебе нравится гулять по лесу?

Гулять мне не нравилось. Хотелось побыстрее попасть в цивилизацию. Но что, если Эмрис недоговаривает? Шарахнуть-то я шарахнула, однако где гарантия, что получится снова? Как бы выяснить?

Я оглядела охотника. Взгляд остановился на ноже. Оружие охотника – часть дара, полученного от богини. Считается, что дотронуться до него без разрешения хозяина никто не может. Защитные чары не убьют, конечно, но, по слухам, второй раз тянуть руки к чужой собственности желания ни у кого не возникало.

Опустившись на колени рядом с фейри, я осторожно потянулась... Приготовилась к удару...

Пальцы коснулись простой костяной рукояти, оружие рунами не вспыхнуло, меня магией не приложило.

– А я тебе о чем говорю! – выдохнул в ухо Эмрис. – Неве-
рующая ты наша!

– Если мы тут останемся, он обязательно заподозрит неладное, – заметила я, поднимая с земли горшок с плетельницей. – Придется еще немного побегать.

– Вот! Наконец-то хитрость лепреконов проявилась! – обрадовался Эмрис. – Пошли, пока наш спящий красавец не проснулся! По дороге одаришь меня везением.

Сбежали.

Кайдэн сел на траву, потянулся, разгоняя кровь. Полукровка снова ударила везением. В этот раз действительно ударила. Охотник отлично понял: оглушила его не магия лепреконов, что само по себе невозможно, а вполне банальный воздушный удар. Им на подсознательном уровне владеют все дети сильфов и необученные полукровки крылатых. Темная девчонка полна сюрпризов. И, похоже, о наличии способностей мага воздуха даже не подозревает, иначе бы не тратила свое везение.

Треск веток заставил фейри насторожиться. Он ощущал приближающуюся тьму – нечто, созданное темной ворожкой, двигалось в его направлении. Пара мгновений – и на

Кайдена ринулось темное создание. Мертвое и крайне злое. Химера при жизни была сразу двумя существами: пещерным медведем, видимо загнанным в леса гиан охотником, и самим охотником. Сейчас, соединенные тьмой, они напоминали неумело слепленную ребенком глиняную игрушку.

Медведь, на голове которого красовался человеческий череп, шумно втянул воздух, повел носом. Кай уловил слабые поисковые заклинания. Кто бы ни сотворил это создание, ищет оно конкретную магию. Магию охотника.

За много лет Кай отправил к законникам несчетное количество темных. Но тех, кто способен создать химер, среди них попало всего несколько. И ни у одного не было шанса уйти от правосудия – слишком известны были их дела.

А значит, химеру направила полукровка. Полукровка ли? Или чистокровный лепреккон? Лепрекконы редко бывают темными – большинству хватает везения, но не всем. Обманула. Замаскировалась, умница, не стала закрывать тьму полностью, тратя на это уйму сил. Отвлекла фокусами с везением и воздушным ударом – какой-нибудь амулет вполне мог ей посодействовать в этом.

Кай почувствовал легкий укол разочарования. Она такая же, как остальные. Его жизнь снова вошла в привычную колею.

Фейри выхватил нож, вспыхнули руны, отозвалась сила. Спустя минуту медведь и охотник получили упокоение, отправились через темные туманы к перерождению, а их остан-

ки сгорели в зеленом магическом пламени.

Прежде чем их поджигать, Кай попытался перехватить нить управления. Но ее оборвали сразу же, как задали химере цель. И ею оказалась не сила фейри. Не он. А та, за которой он идет. Та, которая одарила его своей магией сверх всякой меры.

Глядя на угли, Кайдэн усмехнулся. А полукровка и правда особенная, раз по следу ее везения пускают химеру. Причем на расстоянии. Какой темный способен на это? Сильный, куда сильнее тех, с кем приходилось сталкиваться охотнику. И умный. Отголосок магии, который удалось поймать, был весьма своеобразным и одновременно безликим.

Эмрис сиял и светился в буквальном смысле слова. Новая порция везения быстро впитывалась в его кожу.

А я, сидя на пеньке, жевала холодное жаркое, чувствуя себя выжатым лимоном. Перерасход сил – он и на дне у ундин перерасход. Все мои выбросы везения не прошли даром, теперь потребуется время, чтобы восстановиться. Запив мясо водой, стянула митенку – узор на ладони никуда не делся. Не то чтобы я надеялась, но быть половиной лепреккона – странно.

– Хватит любоваться, нам бежать пора! – Эмрис подпихнул меня головой под руку.

Я водрузила на спину баулы, взяла горшок с плетельницей, и мы побежали. Точнее, побрели. Я устало шла рядом

с Эмрисом, мечтая уснуть и проснуться дома, под галдеж младших сестер, нарочито грозные окрики мамы и смех отца. И никаких проклятий, сильфов, лепреконов и охотников. Особенно охотников. Представляю, как он сейчас зол. Какая-то девица засветила ему в лоб везением!

На глаза попался крупный бутон солнечно-желтого цвета, я хмуро огляделась. Земля между корнями могучих лесных великанов была усыпана круглыми цветами и оплетена сочным зеленым ковром страшицы – ядовитого растения, аромат цветов которого усыпляет. Если сильно надышаться – не проснешься.

Помнится, пытался один умник заказать моему отцу букет из таких цветочков для супруги. Очень удивился, «впервые услышав» о необычном свойстве желтых «розочек». И оскорбился, когда мы сообщили об опасном заказе законникам.

– Повезло! – буркнула я.

Придется сворачивать.

– Явно не нам повезло! – фыркнул Эмрис.

Прямо пойдешь – в заросли опасной травы угодишь, назад пойдешь – охотника встретишь. Я была готова поверить в собственное умение притягивать невезение.

– Выбирай, куда идем? – предложила я коту.

Эмрис уверенно взял левее. Заросли страшицы остались позади, мы бесцельно брели вперед. Но либо охотник тоже не торопился, либо плюнул и решил оставить нас гианам.

Кот свернул еще раз. Сапоги заскользили, я вцепилась в Эмриса. Он попытался ухватиться за корень. И мы дружно съехали по пологому склону оврага. Приземлились на удивление удачно, в траву. Подняв голову с кошачьего бока, я громко зевнула и со страхом поняла, что вокруг нас густые заросли страшицы.

– Бегом отсюда! – Я рывком поднялась.

Голова закружилась, ноги подкосились, и я повисла на ко-те. Глаза закрылись, удерживаться на краю сна, напоминающего обморок, удавалось с трудом. Кот, пыхтя, тащил меня к спасительному склону. Смутно понимая, где нахожусь, я старалась держаться, но пальцы все равно разжались, и я свалилась на перину из травы и цветов.

Над головой послышалось довольное фырканье. Не понимаю, чему Эмрис радуется? Потом до затуманенного сознания донесся удаляющийся звук невесомых прыжков. Побегал за помощью? Он не мог меня бросить... Помощь прибыла быстро – меня подняли с земли, сняв со спины баулы, и куда-то понесли. Вскоре я услышала пение птиц и стрекот кузнечиков – выбрались. Как хорошо, что Эмрис нашел охотника!

А меня тем временем осторожно уложили на что-то мягкое. Я пробормотала слова благодарности. В ответ меня неожиданно нежно погладили по волосам. От удивления нашлись силы приоткрыть глаза, но никого рядом не было. Видимо, почудилось. Главное, что успела увидеть, прежде чем

окончательно уснуть, – желтые цветы были далеко!

Девчонка спала на брошенной куртке рядом с какими-то кулками. Остатки снотворной пылицы на волосах говорили о том, что темная умудрилась влезть в заросли страшицы в десяти шагах отсюда и чудом выбралась.

Кайден присел на корточки, отвел с бледного лица полукровки мокрую прядь. Девушку бил озноб. Странно, при отравлении страшицей тело пылает как в огне. Взяв узкую ладонь в руку, охотник хмуро посчитал удары сердца, осмотрел розовые ногти, под которыми проступали алые точки. Снял митенку, чтобы подтвердить догадку. Однако его ждал сюрприз: кроме расплывающихся под кожей ладоней синяков он увидел половину метки лепрекона.

Едва слышные шаги заставили Кая обернуться, рука легла на рукоять ножа.

– Прежде чем хвататься за нож, дай ей помочь. – Тень со знакомыми желтыми глазами показала связку корней. – Потом меня убьешь, царский яд не дает времени на раздумья.

Кай это прекрасно знал. Царский яд считался большой редкостью, невероятно дорогой. По этой причине потчевали им сугубо высокородных особ. Он состоял из нескольких компонентов, по отдельности они были не опасны, но вместе не оставляли жертве шансов на спасение. Состав противоядия знали избранные, как и формулу яда.

Кайден кивнул. Тень отрастила обезьяньи руки, голову

песчаного кота, вытащила из вещей блюдо, графин с водой и нож. Охотник молча забрал у него половину корней. Теперь он был точно уверен, что след темной ворожбы остался на девушке из-за ее многоликого спутника. С ним он разберется позже.

В четыре руки охотник и темное существо быстро подготовили и порезали корни, сложили в холодную воду. А дальше требовалось участие двух магов. Кай сам не мог сказать, откуда ему это известно. Но мешкать не стал. Порезав палец, он сцедил несколько капель в импровизированный котел. Вторым магом будет сама девушка. Кайден занес нож над пальчиками, надеясь, что сработает: раньше никто не пытался использовать самого отравленного для приготовления противоядия.

– Железку от Летты убери, экспериментатор, твою фейерью душу! – остановил его котообезьян.

Снова став глазастой тенью, он цапнул нож из рук охотника, чиркнул им себе по пальцу, и в воду с корнями упала темная капля. Котообезьян зашептал древние слова. Кай отметил правильность произношения. Противоядие закипело, забулькало, превратилось в вязкую жижу.

– Теперь ты. – Котообезьян кивнул охотнику. – Повторяй за мной, постарайся ничего не перевернуть. Нам нужна живая Летта, а не злобное посмертие.

– Нам? – насмешливо переспросил Кай.

– А как же? Тебе же интересно, кто я, кто она, откуда яд

и какого рожна у нее печать стоит. Иначе бы ты меня сразу попытался уничтожить, а ее – в кристалл и к законникам, – не без ехидства пояснил темный.

Он был прав. Но не во всем: больше всего Кая интересовал тот, кто отправил за девушкой и ее спутником химеру. То, что это не котообезьян постарался, охотник понял, едва увидев его настоящий облик и силу. Что за существо перед ним, Кай не мог понять. Сотканное из тьмы, оно управляло ею, а не подчинялось.

Темное создание нараспев произнесло первый слог заклинания, Кайден остановил его жестом и прочитал сам. Слова всплывали в памяти с отголосками ощущений, Кай не знал, где и когда их выучил, кто объяснял ему, но учил их с азартом, будто с кем-то соревновался. Последний слог нужно было прошептать с шипением.

– Гм... – неопределенно выдохнул темный, глядя, как зелье становится прозрачным. – А кто тебя учил?

Кайден пожал плечами, снял с пояса флягу, набрал в нее противоядие. Приподняв голову Летты – так девушку называл темный, – влил немного зелья ей в рот. Старался действовать осторожно, но темный все равно ядовито прокомментировал:

– Тебе с таким подходом только жаб топить!

Кай, не обращая внимания на говорливое создание, заставил девушку выпить еще. Ему было непривычно заботиться о том, чтобы девушка не поперхнулась, убирать прилип-

шие к ее лицу волосы. Странно чувствовать чужое тепло так близко. Тепло того, кто не пытается тебя укусить, зарезать или сжечь. Служение Неназванной заменяло Кайдену все: дом, семью, любовь. Бесконечное путешествие с изматывающими заданиями – его это устраивало. Но сейчас Кай неожиданно понял: не хватает не только воспоминаний, но и еще чего-то – того, что он давно выбросил из души.

Летта слабо шевельнулась, и Кайден вздрогнул. Впервые за все время, что он был охотником, смог забыть, где он и кто он.

Летта задышала ровнее. Красные отметины под ногтями посветлели.

Пока Кайден отпаивал девушку, темный разбил лагерь. Подготовил лежанку из веток, накрыл одеялом, соорудил подушку из полотенца, натянул тент из непромокаемой ткани. Вовремя – небо заволокли сизые тучи. Вытащил из второго баула еду и закопал.

– Где вы ее взяли? – Кайден перенес Летту под навес и развел небольшой костерок, собираясь сварить похлебку из остатков солонины из собственных запасов.

– Братца названного объели, – хмыкнул темный, превращаясь в кота и устраиваясь рядом с девушкой.

– Братец – принц? – нахмурился Кайден.

Девушка не была похожа на избалованную придворную красотку.

– Братец – тот еще фрукт, но и принц тоже. – Кот задум-

чиво шевельнул ушами, покосился на охотника: – Слушай, имя-то у тебя есть?

Кай уже решил для себя, что не станет отправлять Летту и темное создание законникам. По крайней мере, пока не найдет хозяина химеры, которому чем-то помешала девушка. Что касается дальнейшей участи этой парочки... В темницу он всегда успеет их отправить.

– Кайдэн, – выдохнул охотник.

Сонный стук капель по крыше, уютное тепло кровати и щекочущие прикосновения к ладони. Даже предполагать не буду, что там младшие удумали и какой экзотический вид приобретет моя рука их стараниями в этот раз. Фиолетовые ногти, расписанная зелеными цветами кожа, колечки из бузин на каждом пальце – самый безобидный вариант. Ула и Дика обещали вырасти натурами творческими.

Я сонно зевнула и пробурчала:

– Девочки, если это не смывается, я вас покусую!

Сладко потянулась, открыла глаза и вздрогнула.

На меня насмешливо смотрел охотник, именно в его ладони покоились мои пальцы. Через плечо фейри заглядывал Эмрис, морда была пакостливая.

– Доброе утро, мальчики! – поторопилась исправиться я, пока вредное проклятие чего-нибудь не отчебучило. – А что вы с моей рукой делаете?

– Оцениваем, подходит ли к нашим рукам и сердцам... –

Договорить Эмрису не дали, охотник задвинул его морду за свое плечо.

– На тебе стоит печать, блокирующая способности, – сказал фейри. – Метка, – он кивнул на половинку четырехлистника на моей ладони, – показывает, насколько эта печать слепого.

На шутника охотник не похож. Но все же...

– Шутишь? Какая печать? Откуда? – недоверчиво прищурилась я.

Насколько я знаю, блокирующую печать ставят магам заклинники.

– Это ты сделал? – Я возмущенно поглядела на фейри. – За то, что я тебе везением, да?

– Нет. – Охотник отпустил мою руку, уселся рядом с моим ложем из веток. – Охотники таким не занимаются. Тебе поставили печать в детстве.

– Зачем? – Я села, пригладила волосы пятерней. Моя простая и понятная жизнь все сильнее запутывалась. – Кто-то не хотел, чтобы окружающее знало, что я полукровка?

Я повернула ладонь к себе – рисунок стал ярче, форма немного изменилась, наметился изгиб нового завитка. Такими темпами у меня скоро будет полноценный четырехлистник на ладони. Хмуро посмотрела на подкравшегося сбоку Эмриса:

– Я лепреккон?

– Да, – радостно подтвердил кот. – И, похоже, на тебя охо-

тятся. И это точно не наш принц. А еще я был прав: тебя уже проклинали, и качественно, прежде чем запечатать силу!

– Да к какой хризантеме тут еще и проклятие? – Меня не покидало ощущение злой шутки.

Потому что дважды проклятый лепрекон с запечатанной силой – это явно перебор!

Эмрис открыл рот, собираясь что-то сказать, но был выпихнут из-под тента на дождь.

– Это правда, – просто сказал охотник. – Более того, это проклятие снова тебя убивает. У тебя в запасе полгода, пока печать не слетит окончательно. Тот, кто запечатал твою силу, спас тебе жизнь. Сейчас печать почти сорвана.

Я растерянно сжимала и разжимала кулаки. В голове было пусто, как в новой теплице. Ни росточка мысли.

Охотник накрыл мои пальцы своими ладонями. Теплые, слегка шершавые, они успокаивали. Сочувствие на загорелом лице фейри давало надежду, хотя было странным и неожиданным. С чего ему меня жалеть? Я же преступница, которую следует отправить к законникам. И с чего это Эмрис вообще разговаривался? Хотели же сдать и спокойно дойти... Впрочем, не важно, главное – печать. Эх, кактус вам вместо подушки!

– А разве нельзя вернуть печать обратно? – нашла я очевидное и простое решение.

Лучше уж находиться в остроге, в компании печати и обвинений в темной ворожбе, чем без нее – у предков в гостях.

– Можно, – Эмрис забрался под тент, сев подальше от охотника, – но для этого нужен либо тот, кто ее ставил, либо маг сильнее, той же расы. Тебе не повезло – ее ставил лепреккон.

Превосходно! Лепреккон, значит. А если я не полукровка, то это один из родителей?

– С чего она вообще слетела? – сердито воскликнула я. Нет, ну в самом деле, жила себе спокойно, никого не трогала... – Ах да, братец!

Я рассмеялась, хотя хотелось зареветь. Но сырости вокруг и так хватало, а значит, следуем совету отца: нет выхода – рою подкоп. То есть ищем другой выход.

– Не только он. – Эмрис виновато опустил голову. – Но не я один! Ты тоже виновата.

– Я-то каким боком?

– А кто решил не дать названному братцу помереть молодым и сгрести всю еду со стола?

Не понимаю я иносказаний Эмриса, особенно когда испуг и страх быстро перерастают в злость.

– Говори нормально, сказочник ты наш поэтический!

Вместо Эмриса заговорил охотник. Выяснилось, что, пока я спала, они успели побеседовать, и Кайдэн (так звали фейри) теперь в курсе наших дел. И горит желанием в них влезть по самую макушку. Правильнее сказать, уже влез, не особо спрашивая разрешения.

Не из доброты душевной. Вся эта чехарда с темными ма-

гами, принцами, печатями, лепреконами и котами-проклятиями его заинтересовала. И все это не ради моего или кошачьего спасения. Просто охотник хочет провести расследование, прежде чем сдавать нас законникам. Охотникам позволено.

Сделка с охотником? А почему бы и нет? Он отлично разбирается в темной магии. Кроме того, выбор у меня невелик. Согласиться и участвовать. Или отказаться и стать наблюдателем. Во втором случае вряд ли Кай будет считаться с моими желаниями и тем более – скрывать обстоятельства нашего знакомства. И тогда виновна я или нет, а имя родителей точно пострадает.

– Хорошо, сделка так сделка. – Я улыбнулась.

Вышло криво и совершенно нерадостно. Лишь бы охотник согласился не сиять рунами богини ночи на каждом углу. А так он вполне сойдет за телохранителя... Нет, я же не Соня, дочка мелкого дворянина, чтобы с охраной ходить.

Я задумчиво окинула взглядом одетого в зеленую куртку охотника. Конечно, есть надежда, что фейри не захочет видеть моих родителей...

– Кайдэн, а тебе непременно нужно поговорить с моими родителями?

Охотник коротко кивнул.

А то какое ж расследование без них? Придется их знакомить, так что вариант «дальний родственник» отпадает. Без родителей не обойтись. Только мама Гвенда поможет найти

нашу настоящую мать. Они близнецы. Они связаны с рождением. И хоть в крови мамы нет магии, она может почувствовать, где находится сестра. А отец вполне сумеет уловить этот зов и создать путеводный огонек.

– Кайден, а ты что-нибудь знаешь о цветах?

Охотник пожал плечами.

– Много знает! – влез Эмрис. – Как минимум подорожник с ромашкой не путает!

Подорожник... Ну хоть что-то. Нам иногда заказывали экзотические букеты и клумбы а-ля запасы бабки-травницы, и поставщиков подобных семян как раз не хватало. Вот и повод представить Кая родителям, а потом уехать на несколько месяцев «изучать его плантации». Главное, не забывать периодически покупать и отправлять домой партии семян.

Я отыскала взглядом горшок с плетельницей – вот и подарок от нового поставщика. Немного не по профилю, но, зная любовь отца к сложным в выращивании растениям, вполне подойдет.

– Садовничать никогда не пробовал? – перехватив мой взгляд, с невинным видом спросил у охотника Эмрис.

Кайден отрицательно покачал головой.

– А придется, – усмехнулось проклятие. – Иначе ее семейную оранжерею не проведешь. Тебе нужны обвинения в том, что девочка у них – незабудка, а ты – злобный кактус? Не думаю. Так что вспоминай травы, пока тут сидим.

– Ты-то откуда знаешь? – осадила я разошедшееся про-

клятие.

– Предполагаю! – многозначительно фыркнул Эмрис.

Глава 3

Проснуться привидением – верный путь к заиканию. Первую пару минут я сонно таращилась на прозрачные руки, пытаюсь понять, почему в моем кошмаре одна из митенок расстегнута. Вспомнила, как вырубилась после вкусной похлебки, приготовленной охотником, обреченно вздохнула и села ждать отправки к Арвелю.

– Не забудь спросить, как я к нему попал! Вдруг у крылатого память просветлеет! – напомнил Эмрис.

Глаза его сияли желтым. В свете плетельницы было заметно, что тень кота слегка больше, чем сам зверь.

– Не забуду!

Я встретила глазами с Каем, в позе мудреца сидящим на соседнем ложе из веток. Его не удивило мое превращение в прозрачную копию плетельницы (разве что я не светила), скорее заинтересовало.

– И что скажешь? – не выдержала я.

Темные брови охотника едва заметно дрогнули, светлые глаза блеснули:

– Это состояние тебе не вредит.

Уже хорошо.

Кайдэн бросил на Эмриса странный взгляд. Кот сделал вид, что безумно занят изучением моей прозрачной ноги. Не нравится мне эта невинная морда.

– А убрать подобное состояние, – я помахала прозрачными кистями, – как-нибудь можно?

Кай вытянул руку, осторожно коснулся моих волос, уверенно кивнул. Я обрадованно придвинулась, чуть не свалившись с веток.

– Можно, но не стоит. – В глазах феири промелькнуло нечто, напоминающее сочувствие.

Занятно. За вечер знакомства я успела понять вот что. Первое: охотник не особо разговорчив; второе: скуп на эмоции; третье: я для него – интересная работа. С чего вдруг он мне страдает?

– Призрачное состояние замедляет разрушение печати, – пояснил Кайден и снова замер в позе для медитации.

Просто здорово. То есть я как примерная сестра буду проверять братца каждую ночь?

– Ай да молодец я! – Эмрис подполз ко мне, нагло прищурился. – Ну скажи, молодец?

– Молодец! – хмыкнула я.

Не все, оказывается, так плохо, и невезение тоже может помочь.

И я провалилась в белую вспышку.

– Не забудь про силы! Иначе он не согласится!.. – напутствовал Эмрис.

Силы, как же.

Из-за побратимства мне передалась частичка магии Арвеля. Ее как раз хватает на один удар. Именно им я вырубил

ла Кая. И именно так кот предлагал убедить сильфа сотрудничать. Нет, не ударить. Обмануть, припугнуть, сказав, что его сила передается мне через Эмриса. Глядишь, и вспомнит, где подцепил наше говорливое проклятие. В глупости принца я сомневалась, все же смог он как-то избавиться от Эмриса. И потому оставила вариант кота как запасной.

В этот раз я вывалилась на балкон. Вцепилась пальцами в перила и восторженно выдохнула. Вид открывался невероятный. Я смотрела с высоты птичьего полета на ночной облачный город! пышная пена голубоватого тумана ограждала извилистые улицы, на которых сияли хрусталем и белым камнем изящные домики. Нежные цвета во всем: в отделке домов, в украшениях и одежде, в светлых волосах и крыльях гуляющих. Фонари-шары, закрепленные воздушными вихрями, невесомые повозки, скользящие над улицами и ныряющие за границу облачного города, парящего в небе среди облаков.

– Опять ты? – Недовольный голос заставил обернуться.

В изящном кресле из белой лозы развалился Арвель.

– Что, снова грабить будешь? – брезгливо окинул меня взглядом братец.

– Не грабить, а спасти. – Я скрестила руки на груди. – Тебя, между прочим, царским ядом собирались попотчевать.

– Ты-то откуда знаешь? – недоверчиво фыркнул Арвель. – Ты же призрак! И вообще, зачем еду утащила?

Сильф раздражал, но, пока мы с ним в одной лодке,

придется потерпеть. Только он знает, откуда взялся Эмрис. Правда, по словам кота, утверждает, что не знает. Надеюсь, призраку, то есть мне, повезет больше.

– Вообще-то, – не сдержалась и передразнила я, уж очень высокомерное лицо было у сильфа, – я не совсем и не всегда призрак.

– Да что ты говоришь! – Арвель потянулся за бутылкой, которую распивал до моего появления. – И зачем ты сюда тогда таскаешься? Жива-здорова – вот и гуляй!

– Я бы погуляла, но проклятие против.

– А мне-то что?

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но меня опередили:

– А тебе не помешало бы подумать о скандале, который разразится, если отец узнает, что ты использовал темную ворожбу. – На балкон вышел фейри.

Светловолосый, зеленоглазый, с выдающимися скулами, в светлой рубашке и брюках, он сразу приветливо улыбнулся. Слегка асимметричное лицо, как у всех представителей его народа, было холеным, но без перебора.

– Пришел все-таки! – Арвель расплылся в предвкушающей усмешке и махнул на меня рукой: – Вот она! Справишься?

Так, меня опять будут изгонять? Нет уж, с меня и прошлого раза хватило.

– Если собираетесь меня развоплощать, предупреждаю: это будет убийство, потому что я живая! – торопливо выпал.

лила я и огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно уколоть палец.

Все же кровь у призрака – это довод.

– Не беспокойтесь, я не собираюсь вас изгонять, – еще шире улыбнулся фейри.

– Что?! – взвился в кресле Арвель.

– Хватит, – отрезал его гость. – Ты меня позвал разобраться с проблемой?

Принц неохотно кивнул.

– Вот и позволь мне это сделать. Или предпочитаешь пойти к придворному магу? Или сразу к отцу?

Идти Арвель никуда не хотел. Раздосадованно поглядывая на меня, уселся обратно.

– Я прекрасно вижу, что вы живы, леди.

– Я не леди, вы ошиблись.

Ну какая из меня леди?

– Вы названная сестра принца, а потому леди, – пояснил фейри, задумчиво рассматривая мой наряд. – Вы всегда так одеваетесь?

– Нет, это особый случай. Благодаря братцу, – я кивнула на скривившегося Арвеля, – на собственном опыте подтверждаю теорию, что пешие прогулки укрепляют здоровье.

– Прошу прощения за то, – фейри спрятал улыбку, – что пришлось терпеть неудобства. Если вы скажете, где вы, я пришлю за вами воздушную колесницу.

К такому повороту я была не готова. Быстро выбраться из

леса? Оказаться во дворце? Я бы согласилась, если бы Эмрис был единственной загвоздкой. Но будет ли этот фейри так же любезен, когда узнает, что я, возможно, вскоре отправлюсь к предкам из-за второго проклятия? Чем сразу решу проблему принца.

– Не нужно, у нас есть проводник.

– Я понимаю ваше недоверие, но не сомневайтесь, я сделаю все, чтобы помочь Арвелю и вам. – Фейри жестом предложил мне сесть в свободное кресло.

Я отрицательно качнула головой. Проваливаться сквозь пол я уже привыкла, а вот проверять, каково это – утонуть в кресле, причем в буквальном смысле слова, не сильно хотелось.

– Я в некотором роде отвечаю за него. – Фейри с грустной улыбкой посмотрел на недовольного сильфа. – Простите, я не представился. Маэль, друг этого крылатого.

Он изящно поклонился, и я кивнула в ответ, исподтишка изучая друга принца.

– Летта, – представилась сокращенным именем.

Пусть это не по правилам, но я надеялась справиться с трудностями, не вмешивая семью. Конечно, меня всегда учили, что близкие – это наш тыл, наша защита. Но не в этот раз. Я не хотела привлекать к ним внимание ни темного, идущего по следу моей магии, ни тем более Маэля.

– Приятно познакомиться, Летта. Обещаю держать вас в курсе дела. Думаю, вы согласитесь, что прежде, чем пытаться

сы распутать магический клубок между вами и Арвелем, надо выяснить, кто и зачем проклял принца таким необычным способом.

– То есть он действительно не знает? – ошеломленно спросила я.

Когда Эмрис выдал, что принц не заметил, как ему подсадили проклятие, я думала, это шутка. И до последнего надеялась, что Арвель таким оригинальным способом мстил ко-ту.

– Увы... – вздохнул Маэль. – Перед появлением проклятия он успел посетить много... гм... разных мест.

А «гм», я так понимаю, это те места, о которых девам знать не положено? Эмрис будет в восторге.

– А поконкретней нельзя? – не отступала я. Парочка проклятий, висящих над головой, – лучшее лекарство от смущения и боязни, что меня не так поймут. – Эмрису, нашему знакомому проклятию, интересно.

Арвель расхохотался и подмигнул, отсалютовав бокалом с вином. Дескать, теперь я знаю, откуда ты, сестрица!

Жаль, я все везение растратила, а то бы подкинула чуток милому братцу, пусть бы у того темного мага, что по моему следу идет, в глазах двоилось.

– Он сейчас с вами? – Маэль взгляделся в мое лицо. – Этот... Эмрис?

– Нет.

– Значит, он действительно ожил?

– Ну... Если так можно сказать.

– И какой он? – Зеленые глаза фейри блеснули азартом.

– Весьма говорливый.

– Хорошо!

Маэль вынул из кармана записную книжку, стило и что-то начал строчить. И в последнюю секунду, прежде чем я провалилась сквозь пол, успел протянуть лист мне.

Выкинуло меня в темноту под освежающий дождь на чьи-то руки.

– С прибытием, – мурлыкнул в ухо знакомый голос.

Посмотрев вверх, я увидела светящиеся желтые глаза. Эмрис, напоминающий тень, поставил меня на землю. Превратился в кота и подтолкнул головой под колено:

– Иди, пока не простудилась. Не умею готовить средство от насморка. Ты с уловом? – воодушевился он, заметив лист в моей руке. – Арвель поборол провалы в памяти?

– Нет, – я зашла под тент, уселась на свой лежак, – Маэль.

И подробно рассказала все Кайдену.

– А, к няньке побежал, – зевнул Эмрис, устраиваясь рядом со мной.

Повозился немного и прислонился теплым боком, согревая не хуже печки. Хоть и лето, но я успела и промокнуть, и продрогнуть.

– К няньке? – переспросила я, разворачивая листок и поднося его к плетельнице.

– Ага, – злорадно усмехнулся Эмрис. – Маэль однажды

имел неосторожность помочь принцу. Прикормил, не подумав. Вот теперь и мучается.

– А мне показалось, что они друзья...

– Друзья, – согласился кот. – Но старший друг постоянно вытаскивает младшего из переделок.

– А почему с тобой не помог? – пробормотала я, удивленно разглядывая странные закорючки, убористо покрывающие половину листа.

– Потому что Арвель решил доказать ему, что он сам с усами... – Эмрис насмешливо фыркнул.

– Что это такое? – Я покрутила листок в руках, перевернула вверх ногами. Яснее не стало.

Кайдэн забрал его у меня из рук, пробежался глазами по ровным строчкам. В отличие от меня, он, кажется, понимал, что там написано.

– Шифр какой-то? – предположила я.

– Нет, писчая скоропись, сильфы придумали ее не так давно, – пояснил кот. – Один значок – одно слово. Ты ведь не сказала Маэлю, откуда ты?

– Нет, не сказала...

Вот оно что. Значит, друг принца таким экзотическим способом решил проверить, не из их ли я королевства? Хотя было бы странно, если бы он не пытался этого сделать. Вот пусть и думает, что я из их земель.

– И что там? – Я плотнее прижалась к теплому Эмрису. Похоже, у меня опять озноб.

– Список мест, где побывал наш принц, – важно ответил кот, становясь все горячее и горячее.

Эдак я скоро закиплю, как чайник.

– И?

– Охрана гуляла вместе с ним. Неудивительно, что его прокляли, – ответил вместо Эмриса Кайдена.

Кстати... А он-то откуда знает скоропись сильфов? Ладно Эмрис, он только что из дворца, можно сказать. Или Кай тоже недавно побывал в облачных городах? Я выразительно посмотрела на листок, потом на охотника...

– Они взяли за основу несколько древних языков, – пожал плечами тот, верно истолковав мой взгляд.

– Как хорошо, что ты у нас ходячий справочник, – похвалил Эмрис. – Жаль, авторство неизвестно.

Я удивленно обернулась к коту – о ком это он? И о чем? Кот отвел взгляд от Кайдена и неопределенно шевельнул ушами. Кайден же смотрел на него, нахмурившись. Его заявление проклятия тоже удивило.

– О, меня уже в ясновидении заподозрили? – сладко зевнул Эмрис, потягиваясь и выпуская когти. – Это к слову пришло. Летта, быстро спать!

– Как скажешь, мамочка, – подколола я.

Летта уснула. Печать была на месте и в том же состоянии, но Кая беспокоил охвативший девушку озноб. Причина его – в проклятии, от которого ее пытались спасти, заблокировав

способности. Странное проклятие, необычное... Фейри не один десяток лет имел дело с темной ворожкой, но подобное видел впервые. Чтобы понять, как его снять, нужен тот, кто его наслал.

Охотник в Кайдене предвкушал борьбу с сильным и умным противником. Был уверен, что отыщет темного. Рано или поздно. Сожалеть о неспасенных жизнях он разучился давно.

Но сейчас, глядя на спящую Летту, Кай понимал: в этот раз что-то изменилось. Бойкая, неунывающая девушка зацепила не только своим везением. То, как бросилась помогать, отдав ему свою силу, то, как защищала кота, когда тот угодил в силки охотника, и даже то, что она хоть и злилась на принца сильфов, но не желала отомстить ему... Все это пробило в броне равнодушия крохотную брешь – не опасную, но разбудившую то, что он забыл. Беспокоиться за кого-то было непривычно.

Но не один Кайден оказался нос к носу с тем, что считал ненужным.

Эмрис тоже беспокоился, хотя старался выглядеть равнодушным. Кот, щурясь, рассматривал светящиеся побеги плетельницы, но Кайдена не проведешь. Сегодня, изучая магические нити, опутывающие призрачную Летту, он заметил то, что было едва уловимо. Связь между темным созданием, которое называло себя Эмрисом, и девушкой была разорвана, а потом восстановлена заново. Причем добровольно.

– Спрашивай уже! – буркнул кот.

В пронизательности Эмрису не откажешь. Он сел, расплылся, став глазастой тенью, отошел к краю тента, по которому все еще барабанили редкие капли дождя.

– Хочешь знать, почему я вернулся? Зачем вынес ее? Почему снова связал себя с ней?

Кайден молча слушал: с вопросами говорливое темное создание справилось самостоятельно, справится и с ответами.

– Не понимаешь, зачем я открылся тебе? – усмехнулся Эмрис. – И я не знаю. У меня был отличный план: усыпить ее, ведь страшица замедляет действие царского яда. Дать тебе ее спасти и выйти следом за вами. И я свободен. А потом это проклятие, чтоб ему! И откуда только взялось? Я ушел. Но мне шишка по маковке ударила. Я вернулся.

Тень шагнула под дождь, запрокинула голову, зло выдохнула:

– Вернулся.

Эмрис лгал. И Каю, и себе. Не было никакой шишки и даже ореха. Во тьме, что заменяла этому созданию душу, проснулось нечто человеческое. Оно-то и заставило Эмрису изменить простой и логичный план. Такой шикарный план, который моментально возник, когда Летта вернулась от названного брата, отравленная царским ядом. С некоторых пор Эмрис чувствовал, что связь между ними слабеет и вот-вот разорвется, а он получит свободу. Оставалось только придумать, как выбраться из этих, темные туманы их побери, ле-

сов. И тут так кстати приключилась история с ядом... Не использовать такую возможность Эмрис не мог. Нужно было просто завести ее в заросли страшицы, замедляющей действие яда (ведь мертвую охотник не станет выносить из леса, и не факт, что сам решит выйти из земель гиан). Дождаться охотника. Выйти за ними следом. Но страшица и яд ослабили Летту, и проявилась печать. И то, что под ней, – тоже. И Эмрис ее бросил, решил выбираться сам. И не смог. Не смог!

– Вернулся, – хмыкнула тень, превращаясь в кота.

Вернулся и спас, открылся охотнику, рискуя быть уничтоженным. Потому что понял: упустил важную деталь – охотник мог не знать рецепт противоядия. Но темное создание этим не ограничилось. Оно снова связало себя с Леттой, на этот раз добровольно, чтобы убрать разрушительное воздействие того, другого, проклятия.

– И кто теперь чье проклятие? – фыркнул кот, укладываясь рядом с девушкой и подпитывая ее своей магией.

– Мы – ее. – Кай улыбнулся, было непривычно испытывать к кому-то расположение.

Эмрис тихо рассмеялся:

– Я-то думал, нет ничего более странного, чем оказаться проклятием.

Утром мы свернули лагерь и направились к границе леса. Узелок с тем, что осталось после изничтожения Эмрисом

отравленных запасов, перекочевал на плечо охотника.

После двух ночевок в походных условиях я чувствовала себя измочаленной, покусанной и утыканной занозами, как кактус – колючками. Никогда не считала себя неженкой, но теперь могу точно сказать: лучше целый день мотыжить сорняки, чем романтично блуждать по лесу.

Небольшой поселок, к которому мы вышли к полудню, показался мне красивее облачного города. Пока мы с Эмрисом, старательно изображающим настоящего кота, сидели в тени, смакуя ледяную воду из колодца, охотник успел разузнать обстановку.

Станция воздушных колесниц встретила нас сонными лицами попутчиков и задорным кукареканьем петуха, решившим не с утра, так в полдень отметить криком наступление нового дня. Охотники летали бесплатно. А вот нас с проклятием заставили заплатить. Денег не было. Хотела выписать вексель, но кассир не поверил в мою платежеспособность. В итоге пришлось произвести натуральный обмен – пожертвовать четверть «чудной штуки из горшка» в подарок теще кассира.

То, что переплатила, я поняла, увидев наш транспорт. Нет, грозовые кони были серые с туманными гривами, то есть ничем не отличались от тех, что возят пассажиров от одной станции к другой. А вот колесница...

Обычно колесницы напоминали ладьи с облачными подушками по бокам, которые превращались в колеса, стоило

повозке оторваться от земли, и магической защитой, чтобы никто не выпал за борт. А наша скорее походила на огромное дырявое, наскоро залатанное корыто.

Но летело это корыто, как выяснилось чуть позже, очень быстро. Видимо, возница торопился добраться до цели, пока его колесница окончательно не превратилась в грудку щепок. Вместе с ним и пассажирами.

А такое было возможно, потому что грозные кони оказались с сюрпризом: только они набрали высоту, как на туманных шкурах проступили темные пятна. Силы урагана было немного. Но и ее хватило, чтобы довести пассажиров до бледного вида и страстной любви к молитвам.

Мы должны были провести в пути около недели, но уже к десяти часам вечера того же дня помятые, слегка икающие от радости выгрузились на вокзале какого-то городка на окраине Роната.

Времени оставалось в обрез. Скоро я превращусь в призрака. До гостиницы дойти не успели, были вынуждены остановиться в парке неподалеку от станции. Забрались в самую глухую часть. Привидением я стала под романтические трели соловья.

Встреча с братцем прошла скучно. Арвель меня игнорировал, Маэля не наблюдалось. Новостей о том, как продвигаются поиски доброжелателя, прицепившего проклятие принцу, не было. В ответ на мой вопрос сильф лишь раздраженно буркнул, что фейри ищет.

Вывалилась обратно в парк, тихо костеря бесполезное путешествие, – только время зря потратила. Но мы еще успевали на последнюю колесницу. Выбирая между сном и домом, я выбрала дом и отправилась оплачивать новый перелет. В этот раз вексель приняли, колесница была новой, а кони – обычными.

На рассвете я, слегка угорев от бессонной ночи, шла по улицам Гвара с Эмрисом в кармане. Коту пришлось стать крохотной землеройкой, чтобы, не дай боги, младшие сестры не заметили шевеления.

Ула и Дика давно просили у мамы хомячка или крысу, даже предлагали удочерить диких, выловленных в саду. Вариант с обычным котом вместо дорогого песчаного я тоже отмела. У нас и так три кошки, четыре пса и несколько горшков с экзотическими растениями. И за всем этим многообразием зорко следила мама. Еще одна животинка в дом – и нас всех, включая питомцев, точно выселят жить в старую теплицу, как обещают с тех пор, когда я принесла котенка и щенка.

Двухэтажный каменный дом тонул в зелени густого сада, который являл собой мечту и страшилку уличных мальчишек. Мечту – потому что у нас росли самые крупные яблоки в округе. А страшилку – с того самого дня, как отец перенес туда капризную мимозу. Растение требовало повышенного внимания, а еще отлично отпугивало ворон от черешни, размахивая ветками и слезливо вздыхая. Мальчишки считали,

что в мимозе живет неупокоенный призрак.

Юркнув в увитую диким виноградом калитку, я прокрадась через сад. Моя комната была на первом этаже, так что пробраться внутрь было несложно.

– Миленко, – оценил скромную обстановку Эмрис, выглядывая из кармана.

Аккуратно застеленная кровать, платяной шкаф, стол, стул и пара полок с книгами. Разбавляли простоту кружевные салфетки, пара горшков с выведенной отцом синей геранью и настенное зеркало в тяжелой потемневшей раме, которое кочевало по всем комнатам, прежде чем прижилось у меня.

– Мне хватает.

Я посадила землеройку на тумбочку рядом с забытым Вейлой крючком для вязания. У нее их столько, что чудо, как она в них не путается. Мама и Вейла у нас – настоящие мастерицы. А вот у меня никогда не хватало терпения.

Прежде чем «внезапно вернуться домой», надо привести себя в порядок. Поэтому я переместила Эмриса в горшок с геранью, куда мелкие точно не сунутся, и, захватив чистые вещи, отправилась в ванную.

Смыв с себя грязь и вытащив занозы, я переоделась в обычный наряд путешествующих девушек: блузку, корсаж и брюки. Немного подумав, надела митенки. Где-то в недрах комода стараниями сестер были новые, кружевные, но золото узора на ладонях они не скроют. А эти вполне подошли к

простому наряду. В комнату я вернулась вовремя: из спальни Улы и Дики донесся радостный смех. Проказницы проснулись, пора и мне появиться на пороге. По времени как раз выходило, что я вернулась первой летающей колесницей.

И снова комната, Эмрис в кармане, окно, сад, калитка.

В ворота дома я заходила не спеша, чтобы меня увидели со второго этажа. Окна родительской спальни распахнулись, как только я закрыла кованую створку ворот за собой.

Мама, в неизменном коричневом платье, с толстой темной косой, перекинутой через плечо, красивая, несмотря на тонкую паутинку морщинок у карих глаз, взволнованно оглядела меня с ног до головы:

– Летта, что-то случилось?

– Нет, все хорошо! Я нашла нового поставщика семян аптекарских трав, пришлось вернуться, – чувствуя себя отвратительно, соврала я.

– Да? – Отец, высокий, стройный, с едва заметными изумрудными прядями альва-полукровки у висков, обнял маму за плечи.

– Угу, – уверенно кивнула я. – У него есть немного свободного времени. Он хочет познакомиться с вами.

Отец просиял, а я поклялась сама себе, что куда бы меня ни занесло, первым делом буду покупать семена и слать отцу, чтобы хоть как-то загладить вину.

– А когда он приедет? – всполошилась мама.

– Мам, не беспокойся, его больше интересуют растения,

а не как сервирован стол, — успокаивающе улыбнулась я.

Из глубины сада донеслось громкое журчание, которое переросло в бульканье. Младшие решили отметить пробуждение очередной проделкой. И вовремя. А то сил не было смотреть в глаза родителям.

Я опрометью бросилась на звук и первой оказалась в саду. Булькало в оранжерее. По закрытым стеклянным дверцам, как по стенкам аквариума, поднималась вода, грозя превратить отцовский питомник экспериментальных саженцев в дно морское.

Распахнув дверцы, я отскочила в сторону, пропуская хлынувшую наружу мощную волну, и, шлепая по огромной луже, бросилась в теплицу. В середине стояла испуганная Ула, вокруг которой свивалась жгутами вода. Светлые с синим отливом волосы растрепались, голубые глазенки хлопали непролитыми слезами, до громкого рева оставалась пара секунд. Я шагнула через магический водоворот, обняла, прижала Улу, прошептав: «Все хорошо». Вода с шумом опала на мокрую землю.

— Я хотела помочь! — заревела юная ундина, слишком сильная для своих десяти лет.

— Они пить хотели! — подхватил второй тонкий голосок, я огляделась и прижала к себе Дику, самую младшую, погладила по светлым с прозеленью мокрому волосам.

— Все хорошо, девочки, все хорошо...

Я обнимала рыдающих сестер, когда в теплицу вбежали

родители с взъерошенной и сонной Нестой.

Третья по старшинству, она пошла в отца: растения были ее... нет, не любовью, – страстью. Охнув, Неста сердито погрозила младшим кулаком, раскинула руки, и над утопленными розовыми саженцами поплыл нежный туман салатого цвета: магия альвов успокаивала, лечила растения. Ну, теперь Неста точно не уйдет из теплицы, пока не наведет полный порядок.

Отец отправился работать, а мы с мамой, взяв двух горе-волшебниц за ручку, отправились в дом – приводить девочек в божеский вид. Временно ссадив Эмриса в горшок с лимонником в спальне младших, я приготовила чистое белье для сестер и затерла мокрые следы на полу. Из ванной раздавался довольный смех и визг – мама мыла Улу и Дику.

Забавное у нас семейство. Мы с Вейлой – старшие. Разница – год. Она – человек, я... лепреккон, незнамо откуда взявшийся. Средняя сестра Неста, старшая родная дочь мамы Гвенды, родилась через год после того, как нас нашли. Ула появилась у нас неожиданно, ровно девять лет назад, – ее мать и отец погибли в воздушной аварии. Ни имени, ни богатства у них не было, и желающих воспитывать годовалую ундину не отыскалось. Пока слух не дошел до отца. Мама, на руках которой была шестимесячная Дика, их вторая родная дочь, тут же согласилась. Один младенец или два – какая разница?

Вот так и жили, дружно и весело. Вначале источником ве-

селья были мы с Нестой, Вейла с детства была спокойной и меланхоличной, потом нас сменили младшие сестренки.

– Посмотри на них, чисто ромашки! – довольно вздохнула мама, глядя, как отмытые и переодетые девочки, держась за руки, чинно выходят из ванной.

– Надолго ли? Часа на два? – усмехнулась я, развешивая мокрые полотенца на магическом обогревателе.

– Все-таки решила их носить? – улыбнулась мама, показывая на митенки.

– Неста была права, они удобные и смотрятся интересно. Да-да. А еще под ними очень удобно прятать недочеты-рехлистник. Какое счастье, что сестра уже полгода пытается объяснить женской части нашей семьи, как красивы и удобны митенки.

Я смотрела на маму, задумчиво теребя прядь волос, и никак не решалась заговорить. Никогда не отличалась робким характером, но сейчас было немного страшно просить маму найти для меня женщину, которую я не видела двадцать лет, но которая была моей кровной матерью. Я снова подергала волосы. Надо же, вспомнила старую детскую привычку.

– Ну что там случилось? – не выдержала мама. – Давай выкладывай.

Лучшего случая попросить у нее путеводный огонек не будет.

– Я бы хотела найти Кару.

Мама кивнула, пригладила ладонями волосы, откинула

косу на спину.

– Хорошо. Я попрошу отца.

В этом вся наша мама. Понимающая, чуткая. Никогда не подает вида, насколько ей тяжело.

– Мам! – Я обняла ее.

Безумно хотелось рассказать, пожаловаться, взвалить часть проблем на ее надежные плечи, но... Но это было бы нечестно.

– Я только посмотрю на нее. Моя мама – это ты. Мне... любопытно.

– Я знаю. – Мама погладила меня по голове. – Вейле скажешь?

– Нет.

Незачем вмешивать сюда сестру. Хотя она обидится, когда узнает, что я встречалась с нашей матерью. Но нет.

Мама подхватила корзину с грязным бельем и вышла, а я специально задержалась, чтобы незаметно вытащить Эмриса из горшка. Переворошила ветки лимонника и с удивлением поняла, что забирать некого. Кошки в качестве похитительниц отпали сразу. Там такая землеройка – сама кого хочешь загрызет. Истеричный кошачий вопль мы бы через стенку точно слышали. А значит... Ну и где эти две любительницы хомячков и крысок?

Обыскивая сад, я наткнулась на Вейлу. Пальцы сестры мелькали над кружевной красотой, напоминающей морозный узор на окне.

– Мелких ищешь? – Не отрываясь от вязания, Вейла кивнула на заросли черной смородины.

– Спасибо!

– Не надо тебе к ней ехать. – Слова сестры заставили остановиться. – Мы ей не нужны.

В спокойном голосе не было обиды или огорчения. Она просто сообщала.

– Мама сказала?

– Нет. – Вейла отвела упавшую на глаза каштановую челку.

– Отец?

Сестра отрицательно качнула головой.

– Я шла мимо окон, когда ты просила маму.

Конспиратор из меня никудышный.

– Я встречалась с нашей матерью несколько лет назад, – все тем же ровным голосом продолжала Вейла. – Я не стала вам рассказывать. Зачем? Я сделала глупость, когда попыталась с ней заговорить. Она сказала, что я ошиблась, что у нее никогда не было детей. Не думаю, что сейчас что-то изменилось.

В светло-карих глазах сестры не было сожаления. Она уже все пережила. Переварила. Приняла. Как всегда, одна. Замокнутость Вейлы меня поражала с детства. Я уже тогда осознала, что любая попытка влезть к ней в душу провалится. А сочувствие рассыплется о стену железного характера. И все-таки, подбежав к сестре, я обняла ее, рискуя испортить

вязание.

– Почему не сказала? – Я сердито дернула ее за кончик толстой косы.

– Зачем? Все было не так плохо, как ты себе навывдумывала. – Вейла отстранилась, снова замелькал крючок. – Я перестала беречь для Кары место в сердце. Мне стало намного легче, поверь. Тебе тоже станет, ты ведь все равно поедешь к ней?

Я коротко кивнула, поднялась с лавочки и направилась к смородине.

Ула и Дика сидели в самой гуще веток, усыпанных крупными гроздьями темных ягод. Устроившись на сухих листьях, они пытались скормить Эмрису, торжественно высаженному на чистый носовой платок, сверчка. Есть насекомое он отказывался, старательно отпихивал завтрак крохотными лапками.

– Может, она пить хочет? – предположила, шмыгнув носом, Ула.

Эмрис вздрогнул, очевидно, вспомнив полив саженцев. Пришлось спасти его от внепланового купания посреди сада.

– Нет, девочки, мы никого поить не будем! – строго сказала я, опускаясь на корточки. – А кушать ваша землеройка не хочет, потому что хочет домой. Ее там детки заждались.

– Правда? – нахмурилась Дика.

– Да, такие же маленькие, как вы, только землеройки.

– А их у нее много? – Ула всегда была любопытной.

– Ну... – задумалась я. Животными никогда особо не интересовалась, больше растениями, поэтому да простят меня все землеройки, если это не так... – Дюжина.

Мордочка Эмриса вытянулась от удивления, он возмущенно пискнул.

– Видите, как волнуется, – улыбнулась я, осторожно пересаживая проклятие на ладонь и отпуская его. – Беги к своим деткам, маленькая.

Землеройка ловко ввинтилась в листья, напоследок незаметно цапнув мой палец зубами, – Эмрис был явно не в восторге, что его сделали матерью семейства.

Отправив девочек мыть руки, я тихо позвала проклятие. Эмрис не отзывался, я уже забеспокоилась. Но тут на мою туфлю взобралась серая ядовитая змея размером с мизинец. Не отбросила наглую рептилию лишь потому, что вспомнила: такие у нас не водятся.

– Эмрис?

– Нет, король оборотней! – огрызнулся котозмей. – Требую моральную компенсацию за злобные издевательства над животными, – прошипел он нарочито недовольно.

– А кто здесь животное?

– Вот именно! Мало того что я нянькой не нанимался, так еще и многодетным папашей меня сделала!

– И пол сменила, – со смешком подсказала я. – Иди сюда, мать-героиня.

Я наклонилась и посадила возмущенно зашипевшего Эмриса в карман.

Завтрак пролетел незаметно.

Как всегда, хулиганили младшие. Вейла даже за столом не расставалась с вязанием. Неста с отцом прикидывали, какие из посадок надо подпитать магией альвов. Мы с мамой обсуждали приход Кайдена.

Когда все встали из-за стола, мама отозвала меня в сторонку и вручила круглый прозрачный шарик на тонкой цепочке, внутри которого крохотной золотой птицей билась магия путеводного огонька.

– Спасибо! – порывисто обнимая ее, шепнула я.

Спрятав подарок во второй карман, отправилась в город встречать гостя.

Кайден ждал меня на площади перед управой. При виде его пришлось признать, что зря мы с Эмрисом сомневались. От Кая-охотника не осталось и следа. Слуги Неназванной не только летали бесплатно – экипировались тоже. Стоимость нарядов торговцам компенсировала мэрия, а точнее, храм богини – за счет пожертвований прихожан. Завысить цену или не выплатить причитающееся никто не рисковал, ибо кара была неизбежной: болезнь воров – чесучка, разновидность чесотки. Она поражала лицо обманщика и не лечилась, пока не восстанавливалась справедливость.

До встречи с Кайденом я не задавалась вопросом, как живут охотники. Они просто были, защищали, ловили темных.

Как полезные перелетные птицы, что съедают вредных гусениц на посадках.

Но надо признать, наша «птица» сегодня выглядела непривычно. В светлой, немного старомодной рубашке с широким рукавом, в жилете и брюках, без зеленого плаща, неизменного ножа и наручей Кайдена было не узнать. Статный, загорелый, с холодным взглядом стальных глаз, он казался настоящим аристократом. А возможно, и был им.

Ведь богиня выбирает независимо от расы или социального положения. Стать охотником может любой, кого посчитают достойным. И у кого нет в этой жизни ничего, что бы он мог потерять. Слуги Неназванной всегда одиноки.

Мне было жаль Кая. Конечно, служба дала ему повод жить дальше. Но кто знает, может, если бы богиня его не выбрала, он бы сам победил своих демонов и жил сейчас счастливо с новой семьей. Фейри ведь не просто красив, как все представители его расы, он привлекал внутренней силой, умом. Но Неназванная крайне редко отпускает своих охотников. Хотя поговаривали, что так было не всегда.

– Летта!

Меня развернули, крутанув, точно юлу. Сонья счастливо рассмеялась, расцеловала в обе щеки. Страшно довольная, затараторила:

– Спасибо тебе! Ты не представляешь, какой он! Он невероятный! Он такой умный! Такой красивый! Он самый лучший!

– Кто? – Я все еще до конца не верила, что причина вос-торга – тот самый Плащ с площади, в которого я ткнула паль-цем.

– Ах, ты же не знаешь! – всплеснула руками Сонья. – Тин! Ну, тот, в плаще. Представляешь, он младший сын младшего принца клана лесных куниц!

Количество «младших», по-видимому, казалось стран-ным только мне. Но принца я ей нашла, факт.

А подруга щебетала:

– Конечно, их владения небольшие, а королевство крохот-ное, его даже на карте нет, но их все в Хевине знают!

Что же, теперь все понятно. Парень – король без короны и королевства. Когда оборотни объединились в четыре госу-дарства, мелкие кланы остались не у дел. Но королями они себя называют до сих пор, хотя право править – вот такой каламбур – за теми, кто сидит на троне, признают. По сути, они являются высшей знатью, князьями. Но «король» – это звучит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.